

Елена Александровна
Асеева

Коло Жизни. К вечности

Елена Асеева

Коло Жизни. К вечности

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Коло Жизни. К вечности / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

«Коло Жизни. К вечности» является последней книгой тетралогии «Коло Жизни». В этой части книги в описательной форме будет рассказано о становлении юного божества Крушеца, начиная от момента зарождения лучицы в руке Господа Першего и вплоть до обретения им костяка, плоти, общих данных, присущих Богам.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Коло Жизни. К вечности

Елена Александровна Асеева

*Тебе, Павлик,
как самому чудесному мальчику,
я дарю эту последнюю, и очень
дорогую мне, часть книги.*

И, да, раскроются все Тайны!

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

«Крушец! В род Оньянкупонг!» – зычно кликнул мой Отец, первый сын Родителя, старший в печище Димургов, Господь, Зиждитель, Бог Перший.

Темно-коричневая кожа, подсвеченная золотым сиянием на левой руке Господа, смыкающая предо мной пространство, густо запылала. Золотые крупные вроде каплей искры купно облепили всю поверхность наружного покрова руки, полностью поглотив на ней коричневую. Еще миг и кожа, натянувшись, дала малую нитевидную трещинку, пролегшую от кончика указательного пальца вплоть до локтевого сгиба, а после, резко, разорвавшись, раздалась в стороны, предоставив возможность, мне явится на свет!

Мне, Крушецу, родится!

Я вырвался оттуда малым тугим комком сияния с округлой макушкой и тонким изогнутым остроносим хвостиком, где лишь в зачатках зрелись впадины очей наполненные особым сиянием и тонкий безгубый порез-рот. На малость я завис над рукой, не в силах покинуть моего Творца и устоялся на его сверкнувшую смаглую кость с мельчайшими вкраплениями в ней более насыщенного цвета огненно-золотых искр, схоронившуюся меж разошедшейся кожей. Рваные рубежи днесь явившейся медно-желтой плоти были испещрены мельчайшими текущими по ее поверхности глубокими провоточинами, оранжевыми паутинными кровеносными сосудами, ажурными нитями кумачовых мышц и жилок с оборванными краями плюхающих из собственных недр огненную юшку и на саму смаглую кость, и на словно растерзанную живую ткань.

– Лети, лети мой бесценный малецык, – бас-баритон Отца наполнил меня своей любовью.

Он насыщал, питал меня ею с того самого первого мига, когда я точно из раскрывшегося кокона, дотоль составляющего часть его смаглой кости левой руки, вылутился малым сгустком сияния. Творец дарил свою любовь не только через подведенные к моему естеству жилки, сосуды, нервы ранее плотно опутывающие меня. Он всяк миг говорил со мной, успокаивал, рассказывал о дальнейшем пути, о взрослении, Богах и иных существах населяющих нашу Вселенную, величаемую Всевышний, и многочисленные ее Галактики, системы, планеты... в общем о тех в коих телах допрежь моего перерождения я буду существовать.

Сейчас же услышав голос Отца, такой близкий, являющийся частью меня, я вдруг затрепетал. А затрепетав, подался рывком вперед...

Вперед!

Однако, вновь сдержал свой полет, и, обернувшись, воззрелся на моего Творца, в тот столь дорогой образ. В его схожее с каплей лицо, имеющее самое широкое место в районе скул и сужающееся на высоком лбу и округлом подбородке. На нос с выпуклой спинкой и острым концом, широкий рот с полными губами и приподнятыми уголками. На крупные глаза, где верхние веки, образуя прямую линию, прикрывали часть темно-коричневой радужки, почти полностью вытесняя желтовато-белую склеру.

Отец был худ и сухопар, он казался осунувшимся, уставшим, одначе, вместе с тем обладал таковой мощью, силой и ростом, оное величие я всегда ощущал. Цвет его кожи, какой колебался от густо черного до почитай бледно коричневого и подсвечивался золотым сиянием, ноне слегка пригасил собственные переливы, приняв самые темные свои оттенки. На его голове, что покрывали короткие курчавые черные волосы, поместился высокий венец. Узкая полоса обода пролегла по лбу Господа, имея черную блестящую поверхность. От нее вверх устремлялись девять закрученных серебряных спиралей украшенных изображениями насекомых, рептилий, земноводных, зверей, которые держали на себе завернутую по коло черную с золотым отливом тела змею, несколько вздвинутую голову и внимательно смотревшую на меня своими зелеными очами. Обряженный в черное, долгополое сакхи, прикрывающее стопы ног,

на материи которой, перемещаясь во всех направлениях, мерцали многолучевые, серебристые, махие звездочки, Отец сливался с тьмой царившей округ. Не только наполняющей высокий ночной свод усеянный россыпью звездных светил, разнообразных оттенков голубых, желтых, багряных, но и двумя тончайшими серповидными спутниками. Один из которых, казалось, касался своим угловато-закругленным концом дальнего окоема планеты.

В воздухе густо пахло чем-то неприятно-смердным. Сие я ощущал всем своим сияющим естеством. И, хотя мы находились на возвышении, а вернее на горной, скалистой гряде уходящей в обе стороны от центральной и самой высокой вершины, это отвратительное зловоние поднималось и окутывало нас своими парами. Тягостный чад обволакивал и саму лежащую предо мной широкую долину, купно покрытую мельчайшими, разноцветными огнями живущего людского крупного поселения, и словно врезался своими серыми дымами в подножие горной гряды.

– Лети мой бесценный малецык, – нежно проронил Отец и мягко просиял. Легохонько мне кивнул. – Вмале увидимся. Как только ты вселишься в плоть, и она родится, тебя заберут. Ты только не куда не сворачивай, и делай все, как я велел. По лучу и сразу в тело младенца. И тогда к утру, ты скорей всего будешь подле меня.

Если бы я мог кивнуть... непременно так сделал или ответил – да!. Но я только согласился. Еще не умея издавать звуков, я лишь шевелил губами, точнее сказать краями рта, оные мы с Першим на старый лад называли губами. Поэтому самому движению краев рта... губ... Творец всегда знал, чего мне хочется. А днесь я шевельнул: «до встречи!» и ринулся вперед, по едва зримо оставленному для меня лучу, более темному в сравнении с общим освещением местности.

Я много раз до того спрашивал своего Творца, почему должен торопиться, и кого мне надо опасаться? Ибо чувствовал, что Отец кого-то боится. И давеча услышал ответ.

– Я скрыл от Родителя твое появление, мой бесценный, Крушец, – поведал мне Перший. – И скрою твое появление в человеческой плоти, абы была возможность возвращать тебя самому. Чтобы тебя, мой милый, у меня не отобрали, как это произошло с иной моей лучицей. Поелику мой любезный, тебе надо успеть вселиться в плоть младенца во чреве... В плоть которую я укажу. Главное, чтобы тебя не приметили прислужника Родителя. Но нынче планетники Небо и Асила столь часто мелькают над Зекрой, поощряя рождаться в телах людей искры, что я уверен в том движении не узрят оставленного тобой следа.

«Главное успеть!»

Я это понимал. Чтобы быть подле моего дорогого Отца, мне надо успеть.

И потому я торопился. Прилагая максимум своих, как мне казалось, маломощных сил, направляя полет вниз. Туда к раскинувшемуся городу людей, который назвался столь странно Ибреть, к нему охваченному яркими огнями света, зловонным запахом и шумом.

Я часточко оборачивался, и все еще видел, понеже был мал и обладал малыми силами стоящего на одной из горных вершин, что стеной возвышались с этой стороны плато, своего Отца, Господа Першего, старшего из печище Димургов.

Похоже, я уже и выдохся.

Ибо впервые так торопился, впрочем, как и впервые вообще летел, свершал движение, тратил собственные силы, потому и сияние мое как-то завибрировало. Творца вже не стало видно, как и сокрылись за непроницаемой тьмой сами стремнистые горы, главным образом, созданные из скальной породы. Зато явственно передо мной выступили устремленные вверх угловатыми, кубовидными, плоскими крышами дома и к зловонному смраду прибавилось множество звуков, оные я мгновенно сумел разделить. И понеже услышал я отдельные крики, визг, говор людских голосов, вой гудков, скрип ржавых дверных петель и многое иное. То, что ноне должно было стать моей жизнью, точнее жизнью моего человеческого тела. И пусть не на этой

планете, на иной... И даже в другой системе, Галактике, тем не менее людской, предназначенной для существования человеческого рода.

Нежданно гулкий свист, вроде однократного импульса, сбил мой полет. Я получил мощный толчок в правый бок, и тотчас меня закружило в воздухе, отчего мое сияющее тельце принялось описывать круги. Мне показалось, еще пара дамахей и я вовсе распадусь на всплески сияния, погибну и тогда не увижу Першего. И стоило о том подумать, как прямо в полете меня, что-то придержало.

Еще миг и я вновь обрел равновесие да затрепетав хвостиком огляделся. Однако, того темного луча, что вел меня к человеческой плоти не углядел. То ли тем своим кружением я вылетел из его четко очерченных границ, то ли он, по неведомой причине, распался... растаял.

И немедля я запаниковал!

Ежели бы я умел кричать, непременно, сейчас заорал. Но я не мог исторгать звук, на то, чтобы сему научиться, как пояснил Отец, мне понадобятся первые двадцать, а может и тридцать лет жизни человеческой плоти. Посему я всего-навсе зашевелил губами и испуганно оглянулся. И разком застыл, поелику увидел висевшее подле меня огромное страшное существо. Вельми плоское, хотя и широкое его тело с тупым округлым концом и заостренным навершием не имело глаз, носа, рта. Все тело этого создания было покрыто короткими трубчатými жгутиками, расположенными продольными рядами, также как и сам их носитель безмолвно замершими.

Наверно, это существо было прозрачным, оно как сквозь него просматривались мигающие огни лежащего внизу города. Однако сидящее сверху на нем, словно поместившееся в небольшой выемке на его сравнительно ровной спине, иное создание, было прекрасно различимо. Это небольшое существо, небольшое не столько в сравнение со мной, сколько в соотношении с ростом Отца, абы я все поколь соизмерял с ним. Так вот виденное мной второе создание в высоту вряд ли превышало длину ноги Першего, сопоставимо его рост лежал в пределах тридцати мер, как я когда-то подсчитал промежуток от стопы до лядвеи. Веретенообразной формы туловище и такой же формы голова, по размерам имеющая не менее трети всего роста существа, сверху была прикрыта панцирем. Тот панцирь также покрывал и спину создания, а темно-коричневый его покров, абы это однозначно не являлось кожей, имел светлый тон на груди.

На голове одна не имелось лица. Только два боляхных глаза расположенные по бокам головы, отчего она на макушке казалось несколько потянутой вперед, да длинные усы-антенны, в данном случае являющиеся органами обоняния, осязания, а также механическим устройством для приема и передачи электромагнитных волн, вот и все, что наблюдалось там. Черные глаза точно сложенные из сотен срезанных наискось залащенных граней, так называемые фасеточные, легохонько поблескивали. Четыре пары конечностей мало чем отличались друг от друга. Первые отходили от стыка головы и туловища, и, будучи дюже длинными и мощными, с тем видимо ровными, очевидно, не имели внутри костей, посему сгибались не только в середине, но и сворачивались в рулон. Левая рука завершалась семью короткими пальцами с небольшими воронками присосками на концах, которые располагались по кругу на широком патрубке. Правая в целом не отличалась от руки Бога, имея может быть более удлиненные перста. На ногах, таких же гибких, свернутых и лежащих в углублении на спине первого прозрачного создания рулоном, просматривались черные крупные воронки, правда, с более низкими бортами. У создания из-под панциря на спине выглядывали два прозрачных сложенных крыла состоящих из тонкой мембраны и будто перешитых синими жилками.

Самую малость бхараней я неотрывно смотрел на этих существ, а потом нежданно услышал громкий крик:

– Нашел! Я нашел! Он тут! Все сюда!

Тот гам не просто проскочил отдельными фразами, он промелькнул единым словом и наполнил все пространство вокруг меня так, что я сызнава затрепетал от страха. И только мгновение спустя разглядел резво вынырнувших из ночи и заполнивших все обок меня прозрачных созданий... От этого волнения, я даже не успел сразу вспомнить как они величались. Обаче, спустя пару секунд, все же машинально отметил для себя, что это василиски. Мне о том не говорил Отец, я просто знал, как и многое иное, чем не раз удивлял моего любимого Творца.

Эти создания, василиски, вельми скоро окружили меня со всех сторон. Они нависли сверху, снизу. Василиски прикрыли собой все возможные прорехи, не оставив мне возможности убежать. Однако страх мой оказался так велик, что вначале он сковал мои движения, и я вроде как окаменел. Впрочем, погодя, когда разобрал, что сверху на василисках сидят те самые веретенообразные создания вновь ожил. И моему естеству вернулась присущая мягкость, отчего я принялся рваться из того полона.

Я был уверен, что Перший все еще находится там, на горной круче, ожидая моего вселения в дитя. И потому принялся метаться меж василисков жажда найти прореху и выскочить, аль своей божественной силой растолкать их. Только силы оказались не равными, поелику я был слаб, напуган, а василиски, как подсказали мои знания, обладали особыми возможностями, вкуне... в объединенной мощи в состоянии противостоять даже божественному созданию.

– Осторожно! Осторожно! Не навредите лучице! – зычно, и как-то раздражающе громко летала надо мной молвь, выдохнутая высоким, звонким голосом али точнее будет сказать звуком.

Василиски немедля приподняли наверх своих тел, давая возможность мне тыкаться в их мягкие плоти, преграждая теми едиными сомкнутыми рядьями и малые щели меж собой. Они делали все, абы я себе не навредил и одновременно не вырвался. Иноредь они колыхали короткими трубчатыми жгутиками, что покрывали их тела, довольно равномерно наклоняя их по первому вправо, а посем, также синхронно влево.

Внезапно долгие тонкие шнуры выскочили из мгновенно разошедшегося наверх, головы василиска, токмо на миг явившего округлую дыру и туго оплели меня. Нет, они не коснулись моего сияющего естества, шнуры сформировали сетчатое укрывало, в которое меня и заключили. Та узкая узница, как я не бился в ее стенки, всего-навсе мягко прогибалась под моей сияющей сутью, ни коим образом не вредя, не давая возможности вырваться, улететь...

Закричать!

О! если бы я только мог кричать.

Отец! Отец! Ты бы, непременно, меня услышал и пришел на помощь.

– Гамаюн-Кваху, – сызнава прозвучал голос. – Я полечу с тобой. Все остальные, как только василиск поместит лучицу в сосуд, прикроете наш отлет.

Это, однозначно, прокричал тот веретенообразный, оный меня нашел. И уже через мгновения я приметил, как подле моей узницы появилась его голова. Своими фасеточными очами, в которых зараз появился я, он внимательно осмотрел меня и много ниже произнес:

– Саиб лучица, прошу вас, успокойтесь. Вам ничего не грозит. Я Гамаюн-Вихо, саиб племени вещих птиц гамаюн серебряной рати, прислужник Родителя. Сейчас мы поместим вас в сосуд в теле василиска, – при этом саиб гамаюнов резко качнул левой рукой в сторону своего василиска. – И доставим к Родителю.

«Нет! Нет!» – я не мог кричать, но губы мои шевелились, повторяя это слово... Это и еще одно: «Отец! Отец!»

Наверно, Гамаюн-Вихо прочитал мои шептания, и многожды понизив голос и вовсе полюбовно продышал, столь трепетно и нежно, что я уловил его теплоту своим естеством:

– Не надобно только тревожиться, и перенапрягаться. Дорога будет скорой, вы только умиротворитесь. В любом случае Господь Перший вас не услышит.

Саиб гамаюнов немедля воспарил вверх и я увидел, что его крылья узкие и несколько расширенные к основаниям раскрыты и едва зримо трепещут. А засим моя мягкая узница, дрогнув, поплыла прямо к округлой дыре рта василиска, за коей просматривалась глубокая темная впадина, вроде трубы. Я вновь принялся биться в стенки своей узницы, стараясь из последних сил вырваться, понимая, что если не сейчас... более никогда.

Гамаюн-Вихо меж тем поместился на соседнего василиска прямо за своим собратом да стремительно зыркнув в мою сторону, словно вспыхнувшими в блеклом свете двух спутников, глазами торопко крикнул так, что разом меня оглушил:

– Саиб лучица успокойтесь! Успокойтесь! Вы можете себе навредить, собственной тревогой. Все равно вас никто не услышит нынче и не почувствует. Мы не менее мощные создания, чем Боги, и потому сотворенный нашими телами щит не пропустит ни одного звука за его пределы. Умиротворитесь, ибо это честь! Честь! Еще ни одна лучица, не считая, конечно, четверки старших Богов ни видела в зачаточном состоянии Родителя.

Но я уже и не слышал его крика... Оглушенный, испуганный и потерянный я смотрел, как постепенно расширялась передо мной глубокой впадинкой полая труба, рот василиска. А там далее за ней виднелась полая, здоровущая внутренность, замкнутая со всех сторон голубо-серыми стенами, как и снаружи покрытыми жгутиками, только синего цвета. Справа от меня по мере продвижения вглубь василиска располагалось огромное круглое, один-в-один, как шар красное ядро. Перемешавшее в своей поверхности ядерные махие искорки, почасту сокращающее стенки и выплескивающее вверх лепестки рыжего пламени, выполняющие в теле василиска роль двигателя, сердца, словом вырабатывающего энергию, движение, топливо.

Множество тончайших, багряных сосудов подобных тем, что опутывали меня, отходили от двигателя-сердца и соприкасались со жгутиками усыпаящими стенки, с самой глоткой и иными органами: плоскими, нитчатыми, овально-продолговатыми; наполняющими внутренность василиска, располагающихся в вязкой прозрачной субстанции и исполняющих функции размножения, дыхания, разума. Нежным желтоватым сиянием светилась округлая небольшая капля почти в конце внутренностей василиска, к каковой медлительно направились шнуры удерживающие узницу вместе со мной. Вскоре вязкая жидкость, пасыка как ее называли, препятствующая нашему движению стала менее тягучей и мы достигли желтой капли, на тот момент разинувшей свою удлиненную тонкую расщелину, вроде приглашая меня к себе.

Узница воткнулась в горловину капли, и энергично вздев одну из стен несколько вверх, иными надавила на меня. Таким побытом, вынуждая меня переместиться из своего укрытия в новое. И под тем давлением я протиснулся в капельный сосуд, где горловина немедля сомкнулась. Стенки сосуда нежно меня обняли со всех сторон и самую толику качнули... как иногда делал мой Творец. И тогда я услышал еле-еле доплывший до меня голос Гамаюн-Вихо:

– Лучица в сосуде. Отправляемся в Отческие недра. Гамаюн-Кел, Гамаюн-Хоуи возьмите под узду василиска с сосудом. Вещие птицы гамаюн золотой рати прикрывать посыл со всех сторон и не отставать!

Глава вторая

Наверно, я отключился, как пояснял мне Отец, ибо этим своим признаком уже походил на Богов. Потому когда тревожился или уставал, отключался. А уставал я часто, так как был совсем мал... дитя... Дитя, как ласкательно говаривал мой Творец Господь Перший.

Отец!

Отец, где я был? куда летел?

Летел к Родителю в Отческие недра, каковой когда-то отнял у моего дорогого Першего лучицу, чем вельми его расстроил. А ноне, ноне Он желал разлучить нас.

Отец!

Тот вопль заколыхал мое естество и немедля дрогнули стенки сосуда обволакивающее меня. А потом почудилось, что меня качнули. Сначала вправо... влево... засим вперед... назад. И махом всякое движение прекратилось.

Оттого колыхания я, очевидно, вновь отключился, поелику, когда обрел себя, услышал разговор. И это, однозначно, толковали живые существа. Голос одного из них я узнал сразу, он принадлежал Гамаюн-Вихо, вже больно высоко звучал. А другой чем-то напоминал голос Першего, только звучал более бархатисто, точно мелодичный наигрыш.

– Как полет? – спрашивал тот... неизвестный.

– Полет прошел удачно, – четко отчеканил Гамаюн-Вихо. Он право молвить теперь не кричал, только продолжал брать высокие звуки. – Все прибыли в целости и сохранности. Как вы и распорядились Родитель, за Господом Першим осуществлен догляд. Гамаюн-Кваху лично поменял Алконост-птицу на Стрефил-создание. Также приставлены Стрефил-создания к младшим членам печище Димургов и Расов, Зиждителю Воителю и Господу Вежды.

– Малецьки ничего не заметили? – поспрашал (теперь я уже не сомневался в этом) сам Родитель.

– Нет, Родитель. Все как всегда сделано безупречно, – теми словами казалось Гамаюн-Вихо, стремился заслужить похвалу. – Хотя Алконост-птицу обок Господа Першего можно было не менять. Господь все равно ее не замечал, и она могла еще послужить.

– Нет, мой милый оголец, – Родитель сказал так мягко... прямо как Отец, понеже я весь затрепетал от посланной им волной столь мощной любви. – Теперь мне нужно не просто приглядывать за моим драгоценным малецыком, надобно легохонько на него влиять, ибо он может не перенести потери лучицы. Слишком хрупкий, нежный. Может и вовсе захандрить, а того допустить никак нельзя. Думается мне Небо, узнав в хуруле, кто находится в теле ребенка, непременно, это сокроет от Першего. Тем паче, лучица долгое время не сможет подавать зов. За этот срок, мой бесценный сын, Перший, все хорошо обдумает, и поймет, что более облыжничать меня не следует. Мало верится, что станет сговорчивей, но то, что более так не поступит, однозначно. Теперь самое важное, чтобы он себе не навредил, посему и Стрефил-создание, абы влиять на змею в его венце. Которая будет снимать, с моего милого малецыка все напряжение... А, что по поводу плоти, Гамаюн-Вихо?

– Плоть найдем. Как только прикажете, – также четко ответил саиб гамаюнов.

– Только, чтобы точно с теми параметрами кои я указал, – произнес Родитель и голос его стал много тише, словно он степенно удалялся от меня. – Паболдырь, девочка, слабое сердце и мощный мозг с искрой Першего. Абы, непременно, в хуруле обратили внимание на ее болезнь, или цвет кожи, и как итог увидели, что в ней лучица. Пересадив мозг с лучицей в новую плоть, тогда, когда наш бесценный малецык еще кроха и накрепко скреплен с только, что проглоченной искрой. И тогда у нашей лучицы будет здоровая плоть и отличные условия взросления. Думаю Небо к тому все создаст, тем паче малецык сразу прибудет ко мне спросив совета... А, я поколь Перший обдумывает свои действия, укажу Небо на возможность приоб-

ретения нового члена печищи. Там только моим замыслам может навредить Седми, поелику слишком связан с Першим... Впрочем, ноне они почти не видятся, абы мой любый старший сын, последнее время от всех таил лучицу, и как итог не виделся с малецыками. Хотя все же стоит на Седми возложить, как можно больше обязанностей, чтоб не было и далее желания встречаться с Отцом.

– Родитель, – вклинился в речь Творца всех Галактик Гамаюн-Вихо, и я, однозначно, уразумел, он выступал в роле не просто прислужника, а доверенного, близкого лица. – Но вы сказывали лучица, столь уникальна, только я могу словить ее, не навредив здоровью. И взращиваться она должна, как божество подле Господа Першего, оный сумеет справиться с ее мощью и способностями.

– Я знаю Гамаюн-Вихо, что ты предан и очень любишь моего старшего сына, – теперь теплота в голосе Родителя сменилась на досаду. – Но не допустимо, таким образом нарушать Закон Бытия. Да и потом, я точно не уверен та эта лучица или нет... Допрежь того надо ее осмотреть, проверить кодировки. Однако, Перший сможет вступить за лучицу в соперничество, как только она подаст зов, или он повинится, прибыв в ко мне в Стлязь-Ра, каковые достаточно долго не посещает... В любом из этих случаев, малецык успеет привязать к себе лучицу, ты же знаешь, как они к нему приважены. Одначе, сразу тебе скажу, эта лучица будет подле Першего, если она та которую я ожидал, в ином другом случае она достанется Расам. И не смотри! не смотри на меня с таким осуждением Гамаюн-Вихо, ты знаешь мне это не по нраву. И я тебя нисколечко не облыжничал, направляя на ее излов, ибо в замыслы свои не посвящал. Посему уйми свое негодование, милый оголец, и расскажи о том, как удалось пленить лучицу.

Глас Родителя нежданно стих, перестал доноситься и высокий звук исторгаемый саибом гамаюнов или быть может я, просто потерял нить их разговора, так как стал биться в стенки сосуда. Понимая, понимая, что меня хотят разлучить с Отцом, если я не окажусь какой-то там лучицей. И желают отдать Расам... Небо, младшему брату моего дорогого Творца.

И я бился... бился в стенки сосуда. Я раскрывал рот, шевелил губами и жаждал только одного обрести голос и закричать так громко, чтобы услышал меня мой Отец.

Очередной, и, вже верно полностью вытянувший из меня силы, толчок в стенки сосуда отозвался нежданно ощутимым его дрожанием, таким, какового дотоль не было. И пульсация сосуда многожды увеличилась. Только стенки его не втягивались, а вспять вибрируя, расширялись так, что округ меня появилось свободное пространство. Сначала небольшая щель, обаче, немного погодя значимо пролеглие по окоему моего сияющего естества промежутки.

Внезапно стенки сосуда, достаточно от меня отодвинувшись, замерли, и я увидел, что их желтоватая гладкость покрылась мелкими трещинками, кои миг спустя, набрякнув, разошлись по всей поверхности. И тотчас сами стенки сосуда, распавшись на части, разлетелись в разные стороны. А я оказался в большом помещении.

Вернее, это был долгий и вельми широкий коридор, где мутно-серые стены слегка дрожали клетчатой более светлой рябью. Они заполняли своим волнообразным колебанием значительно не высокий свод и такой же гладкий пол, зеркальная полированность которого отражала трепещущее сияние и одновременно поражала очи своей растянутостью, расплывчатостью единого полотнища.

Я завис в небольшом удалении от пола и пронзительно вздрагивал, и вместе с тем вибрировало и сияние на его залащенности. Предо мной уходящий вдаль коридор степенно вливался в серое плохо различимое округлое пятно, как я догадался, там обрываясь, а точнее преграждая движение особой материей, оную называют опакуша, абы она являлась исподом, изнанкой, ничкой другого помещения, ежели, конечно, меж ними существовала особая узкая чревоотчина, называемая малик.

Медленно, будучи напуганным и утомленным, я развернулся и враз широко раскрыл свою щелочку-рот, ибо оказался несколько ошарашен. Теперь впереди меня коридор явственно

расширялся до каких-то невообразимых широт и высот. Посередь него словно нависая, прозрачно выступало лицо Бога, впрочем, правильнее будет сказать лицо Родителя. И хотя я досель никогда не видел Творца всех Галактик Всевышнего, но обладая неординарными знаниями, как объяснял мне мой Отец, немедля Его признал.

Лицо...

Это было лицо совершенно мягкой формы, точно правильного круга, с широким носом, где волнистой оказывалась спинка и округлым основание. Слегка впалые щеки с чуть выступающими скулами и замечательные большие, ясные глаза, над которыми нависали седыми прядями волос густые брови. В первый миг, я не сумел разобрать каков цвет кожи Родителя, абы был поглощен его глазами. Крупные прорези очей таили в себе сине-марность ночного неба, порой в них вспыхивали яркими каплями махие четырех-, пяти-, шестилучевые серебристые звезды али проносились золотые искорки, мелькали крапинки, крупницы клеток простейших животных и растений. В тех очах не было ни склеры, ни зрачка, а синева иноредь застилала марность, вероятно, только на доли секунд, чтобы погода сызнова наполнится фиолетовыми полутонами.

Всего-навсего пару дамахей погода я отвлекся от глаз Родителя и заметил высокий и широкий лоб, испещренный вдоль и поперек бороздами морщин и такие же морщинистые скулы. Густые усы полностью скрывали его уста и теми вьющимися волосками переплетались с такой же пепельной бородой и обрамляющими границы лица волосами. Особенно это лицезрелось по одной пряди, которая от движения неизменно прикрывала левый глаз Творца Галактик. Кожа у Родителя в тон цвету глаз и седым волосам, была пепельно-синей и таким же пепельно-синим смотрелось огромное колообразное облако, что окружало лицо по окоему, скрывая длину его косм. По глади того облака двигались выстроившись в строгие ряды символы, письмена, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, графемы, едва проступающие геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик. Медлительно перемещаясь по кругу, все те письменные али образные изображения инолды меняли свои цвета, приобретая то почти черные, то голубые, а то серебряные, золотые, платиновые или даже белые тона. Казалось лицо Родителя, вклинившись в чудное облако наглядно-образных символов, прорвав его некогда единую поверхность, выглянуло токмо для того, чтобы узреть меня.

– Мой милый, – нежданно послышался бархатисто-мелодичный голос, в котором точно плыл бас-баритон моего Отца.

И по шевелению волосков, что прикрывали уста на лице, я догадался, это со мной заговорил Родитель.

– Ты только не волнуйся, – все также успокоительно и мягко произнес Творец Галактик Всевышнего. – Больно не будет, немного неприятно. Мой дорогой, я сейчас поменяю некие коды в тебе. И просмотрую твою наполненность наследственными единицами да будущие способности как Бога.

Родитель замолчал, и немедля пропало его лицо.

Все же правильно я догадался, Он лишь выглядывал сквозь пелену облака, потому стоило Ему отодвинуться, как зараз сокрылось Его лицо и даже пряди волос. И теперь письменные и образные рисунки проступили достаточно густо и четко, да словно отразились в моем естестве. Хотя, коли говорить точнее, я и сам, как данное облако состоял из тех самых сияющих, движущихся в определенном порядке символов, письмен, рун, литер, свастик, ваджер, букв, иероглифов, цифр, знаков, графем. Впрочем, меня также наполняли геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик... Только эти образы были и вовсе мельчайшими и зримо они не просматривались на моем сияющем естестве, но я знал, что наполнен их сутью... Еще я ведал, уж и не знаю, откуда, что именно этим мельчайшим просом образов отличаюсь от своих братьев Зиждителей, от самой четверки старших Богов, и днесь, как я осознал, имею много общего с Родителем.

Прошло какое-то количество бхараней и насыщенно переливающееся облако сменилось на восьмилучевую, серо-голубую, пульсирующую звезду. Казалось, полотнища облака просто впитались в ее рассеченные двигающиеся по колу змеевидно выгнутые полосы, определенно, напоминающие своим внешним строением и обликом молнии. Широкие лучи звезды острыми своими концами днесь начали вонзаться вгладь пола, свода, стен, таким образом, увеличиваясь в размере. Их поверхность на которую переместились с облака письменные и образные рисунки, ни на миг не прекращающие своего движения по лепесткам, также пульсирующе вибрировали и с тем расширялись или вспять сужались, единожды в объеме, длине и ширине. Промежуток меж лепестками смотрелся заполненным более темными, стальными полотнищами, схожими по виду со струящейся водой (оба же имея состав ближайший к заболони, внутренней слизистой оболочке древовидного растения), сбегаящей по краям лепестков вниз, в середине наоборот вверх, вливаясь в самую суть лучей.

Лепестки, как и центр звезды, разрезанные молниями, медленно вращаясь, описывали могучее коло. Неспешно двигаясь в определенном вращении, которое человек бы величал ходом часовой стрелки, они неожиданно набирали ретивость, и начинали вращаться с бешеной скоростью. Засим также резко снижали быстроту своего хода и будто выплескивая цвет из лучей смотрелись выступающе-покатыми, а немного погода всасывали размытые части лепестков вглубь заболони.

Внезапно из кружащейся восьмилепестковой звезды, из двух острых концов, затерявшихся в боковых стенах, вылетело множество плоских с зигзагообразными краями узких лент, кучно собранных меж собой. Бахтармы (тонкая верхняя плена бересты) чем на самом деле являлись ленты, столь стремительно дотянулись до меня, что я не успел даже дернуться. В мгновение ока завершая бахтарм прилепились к моему естеству, и тотчас натянувшись, замерли, вроде даже окаменев, не давая, таким побытом, мне не то, чтобы дернуться, но даже и шевельнуться.

А лепестки звезды меж тем перестали свершать колодвижение. Токмо все еще продолжили перемещаться по их поверхностям символы, письмена, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, графемы, и вовсе махие геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик... Оные, как я ведал, видели избранные Боги... четверка старших Зиждителей, Родитель... и я...

Еще, очевидно, доли мига и с под каждой отдельной части, составляющей клинопись и образы, стал пробиваться серебристый свет живописуя более значимое проявление того письма или облика предмета. И в такт тому значимому явлению клинописи на моем сияющем естестве стали также пульсировать серебряные, золотые, платиновые письмена, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, графемы, и вовсе махие... мельчайшие... крошечные геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик. Та вибрация собственного естества не столько напугала, сколько встревожила меня так, что в волнение я широко раскрыл свой рот и зашевелил губами. Напряжение тугим дыханием окутало меня... И почудилось, тогда мне, что еще миг, и я отключись от переполнивших меня чувств навсегда.

– Тише... тише, мой милый... Что ты? Крушец... Крушец, малецык мой бесценный успокойся, – это вне всяких сомнений плыл голос моего Творца, бас-баритон Першего было невозможно ни с кем спутать.

«Отец! Отец! Отец!» – зашевелил я губами, и вроде как ослабло мое напряжение, ибо я попытался расслабиться, предоставить моему естеству синхронно перемигиваться клинописью и образами со звездой, и единожды попытался уловить, откуда же долетал голос Першего.

– Тише... тише, мой любезный Крушец, – витало легким шорохом... дуновение обок меня... али все же во мне... впрочем, успокаивая, умиротворяя... уговаривая.

Еще самая толика того самого времени, как величал эту структуру мой Творец, и сияние символов, письмен, рун, литер, свастик, ваджер, букв, иероглифов, цифр, знаков, графемем да крошечных геометрических фигур, образов людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик слилось в единое густо-серое облако... Насыщенность цвета облака многожды усилилась, а погода и вовсе приобрело густую сине-алость, схожую с космическим пространством, местами усыпанным стайками ярчайших созвездий, систем, светящихся полос газа и разнообразных по оттенку дымчатых туманностей. А предо мной в том темно-цветном мареве несло мощное космическое судно. Плоское, овальное, стекловидное тело которого, с серебристыми полосами на гладком спинном покрове и острых боках, напоминало чем-то насекомого и состояло из двух модулей. Небольшой, округлый первый модуль топорщился из второго, много более крупного корпуса, в боках оно поблескивали маленькие треугольные люки. Плоскими, точь-в-точь, как весла были две пары ног размещенных вдоль туловища. Еще две конечности, чем-то напоминающие на концах огромные клешни отделились прямо с под стыка обоих модулей, днесь будучи плотно прижатыми к брюшку судна. Вельми скоро взмахивая веслами-ногами судно на высоких скоростях вклинилось в огромное рыже-желтое дымчатое облако, уплощенное по бокам, и, смешавшись с теми испарения... пропало.

Резкая боль!

Она разрушила и сами испарения, и затерявшееся в них судно. А я вновь узрел перед собой восьмилучевую звезду из центра какой внезапно вырвалась и своим острым наконечником ударила в мою макушку серая молния по поверхности усеянная малыми просянными золотыми искорками. Молния, ничто иное, как электрический искровой разряд, являющийся носителем больших температур и мощности.

Одна...

Вторая...

Третья молния...

Ох! как было больно! Больно! Больно!

Я дергался, как мог, но бахтармы держали меня столь крепко, что не давали возможности не то, чтобы вырваться, но даже толком шевельнуться. Мое сияющее естество, где меняли кодировку, болезненно вздрагивало, а губы не переставая шевелиться, зывали к Отцу.

Благо, что я вновь отключился. Поелику последнее, что я помнил в том коридоре (на самом деле трубчатом образовании, сформированном определенным рядом клеток, который выполнял роль соединительной ткани в живом мощном организме, величаемом Стлязь-Ра, где и обитал Родитель) это весьма болезненный удар, как раз между двумя впадинками глаз.

Глава третья

Когда я пришел в себя... Вновь осознав себя Крушецем, первое, что узрел раскинувшийся передо мной золотистый покров земли, на котором, насколько хватало взора, раскинулась рыже-смаглая растительность. Былие, творение Родителя, имеющее порядка ста сорока двух структурных элементов ядра клетки. Ее с уверенностью можно назвать праматерью всех травянистых растений. Каковые вже много позднее, благодаря способностям третьего сына Родителя, приобрели многообразие, и стали основой существования не только животного и человеческого видов, но и самих планет, на оных те самые виды обитают.

Так вот, прямостоячие стебельки былия (чей внешний образ полностью переняли особо почитаемые у людей культуры злаковых) с плоско-линейными листочками и, расположенными на стержне двумя рядами колосков, по прописанному для них общему закону, синхронно кланялись по первому вправо, а после также одновременно влево. Их одиночные янтарного цвета колоски зримо исторгали рыжее сияние, кое представляло из себя зачаток наследственности былия, проще говоря единицу генетической информации, в данном случае схожей с необработанным цветением, пергой. Эта дымчатая перга естественно отражалась в бледно-желтоватом небе, которое правильнее было бы назвать свод, и посему казалось, что там... наверху струится желтовато-прозрачная дымчатость, ярко освещающая все окрест меня.

Березань...

Только сейчас я осознал, что нахожусь в Березане...

В Березане, особой материальной форме нашего Всевышнего, где движение, пространство и время существуют, подчиняются иным законам, и имеют иное структурное построение. Коль говорить точнее, Березань – это не Всевышний, а малая чревоотчина в которой возможно общение с тем, что вне нашей Вселенной, не обязательно соседствующее, вполне возможно, что и достаточно удаленное. Поэтому я и сказал свод... Свод, пол, стенки... Все это присутствовало в Березани, ибо данное строение материи обладало как концом, так и началом. Вернее даже, в Березани находились двери, створки ворот, калитки, окна, люки, опакуши через которые можно было войти и так же легко выйти... Однако, войти и выйти отсюда, становилось возможным только с дозволения правителя нашего Всевышнего – Верховного Божества, Творца Галактик, Истока и Отца всех четырех старших Богов, Родителя.

Я же сам восседал на дереве, точнее молвить на одной из его веток. Я не видел ствол дерева, что проходил позади меня, не мог зреть высоту кроны, али его корни, впрочем, прекрасно рассмотрел саму ветвь. Где ровной желтоватой была кора без каких-либо изъянов, трещин, выемок аль отслоений, иначе, в неких местах она имела поперечные вытянутые рыжие отвесные полосы, тем самым напоминающие чечевички. Сие образование в покровной ткани стеблей в данном случае источало определенные химические элементы, соли и газы, главным образом в виде марева, дымки, пара. Такие точно чечевички, токмо служащие для газообмена, располагались на березе, дереве, что широко было распространено на планете Зекрой. Когда-то зекрийцы вельми почитали это дерево, связывая его с одной из своих Богинь. С Богиней Прародительницей, Матерью ведающей плодородием и судьбами всего живого. Но спустя время зекрийцы перестали почитать как само дерево, так и Богиню оной его посвящали. Про зекрийцев я узнал частью от Отца (частью, потому как сам обладал не малыми знаниями), ибо был очень любознательным и всем интересовался, даже, как замечал он «несущественным».

Данное дерево, однако, одними чечевичками следовало отнести к березе, поелику само Мировое Древо али солнечная береза (как порой оно величалось в традициях человеческих родов) являлось нечто большим!

Оно было сутью жизни самих Богов...

Сутью самой Березани, або насыщало это пространство теми самыми химическими элементами, с тем создавая определенное состояние материи. Материи, элементов, скажем так, несколько чуждых нашему Всевышнему, которые черпал в надобный момент для сотворения определенных существ Родитель.

Определенных?! Тех самых, которые состояли на службе у Него, и способностями, физическими возможностями или химическим составом походили на Его сынов.

Отец считал, сказывая мне про Березань, что лишь в ней можно было ощутить существование развивающейся материи бытия, которое в установленное время Родитель использовал при строительстве новых Галактик. Обаче, он был не совсем прав, ведь иная форма материи в Березане безостановочно курилась, кипела и преображалась, постоянно видоизменялась. Определенные элементы, вещества, соединения, несомненно, Родитель использовал при создании Галактик, только никогда не употреблял всю материю целиком, понеже мог навредить тем целостной структуре Всевышнего.

Я это знал...

Мой Отец?

Пожалуй, что нет.

Восседая на ветви, я в свой черед был купно облеплен мелкими веточками и золотистыми, молочно-белыми, ромбиком или треугольно-яйцевидными, по краю малешенько зубчатых, листочками. Покрытые опушкой с обеих сторон и клейким налетом (структурно он включал углеводы, витамины, кислоту и напоминал... напоминал, скорее всего, падевый мед) те листочки не просто поблескивали, они плотно ко мне крепились и единожды питая, ласкались, успокаивали.

Немного погодя, когда, пошевелившись, понял, что из тех липких сетей мне не вырваться, я увидел Родителя. Он стоял недалеко от древа и моей ветки, вплоборота ко мне, и неотрывно смотрел куда-то вперед, вдоль раскинувшейся и такой необъятной пожни... очевидно, зачем-то наблюдая али к чему-то прислушиваясь...

Ведь в Березане правило столько звуков! И я с легкостью разобрал там звучание нашего Всевышнего, от дуновения космического ветра до писка комара, от тектонического движения плит планеты до окрика рожденного человеческого ребенка, гром, гудение, журчание, стук, шорох и колыхание ажурных крыльев бабочки над цветком. Одначе, в Березани жили и иные звуки, те которые внедрялись в нее с других Вселенных, и посему мне удалось отделить протяжные, напевные погудки схожие со звучанием струн щипковых инструментов. Острые, резкие, чуть гнусавые они степенно растворялись в пространстве, но всего-навсе для того, чтобы миг погодя резонировать от Мирового Древа и зараз наполнить собственной мелодией все подле меня.

Родитель.

Он был высоким, вероятно, таким же, как Отец, а, похоже, даже чуть-чуть повыше. В нем не присутствовало, однако, сухопарность, присущая Першему, вспять Творец Галактик смотрелся крепкого телосложения, с широкими плечами и грудной клеткой, воочью мускулистыми руками и ногами. Массивная голова была плотно укрыта вьющимися седыми волосами до плеч, вельми долгая, как оказалось, борода дотянулась до стана. Обряженный в серое сакхи до лодыжек и без рукавов с клиновидным вырезом, увитым тончайшими серебряными и золотыми нитями Родитель так мне напомнил Вежды, что я туго сотрясся. И немедля горестно зашевелил губами, чем самым обратил на себя внимание. Ибо миг спустя Родитель неспешно оглянулся и ласково воззрился на меня своими сине-марными очами. Он, судя по всему, улыбнулся, так как его пепельно-синяя кожа нежданно стала переливаться золотыми всполохами света, кои выплеснувшись в разные стороны, начертали округ Его головы, и всего тела ореол голубого сияния, в котором проступили едва зримо перемещающиеся серебряные, золотые, платиновые символы, письмена, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, гра-

фемы, а также геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик.

– Мой драгоценный Крушец, – мягко произнес Родитель и теперь однозначно я услышал бархатисто-мелодичные переливы его голоса, впитавшие бас-баритон моего Отца. – Как ты милый мой? Было несколько больно, как я понял.

– Больно! Больно! – обидчиво шевельнул я губами.

– Ну, ничего, ничего мой замечательный, мой неповторимый, – все с тем же благодушием проговорил Творец Галактик, и медлительно развернувшись, в несколько широких шагов покрыл расстояние до древа и нависающей ветви, на коей восседал я. – Кто ж мог знать, что ты окажешься таким чувствительным, – полюбовно добавил он. – Таким хрупким и единжды неповторимо мощным, уникальным! Моя драгоценность, бесценность я так долго ждал твоего появления. Уже даже перестал надеяться. Думал это чудо пройдет мимо нашего Всевышнего. Но, нет! Нам повезло! И вот – Ты! Единственный в своем роде, мой любезный малецык, Крушец! Почему интересно именно Крушец? – Родитель прервался, очевидно ожидая моего ответа, но так и не получив его, абы я был дюже огорченным, дополнил сам, – хотя... Хотя, точнее имени не подберешь. Ведь серебро, благородный металл, Творцом и сутью которого является Перший, почасту величают ценным крушецем. – Теперь он и вовсе усмехнулся, я это не услышал, сколько увидел, так как ярко шевельнулись волоски усов, плотно скрывающие его губы. – Надеюсь, ты на меня не сердчаешь, что так все получилось. Я был просто уверен, что ты не тот, кого так долго ожидал... Иначе все было бы по-другому, и тебе не пришлось пережить столько волнений. Впрочем, ноне, пребывание в Березане укрепит тебя, дарует силы, и ты сможешь пережить разлуку с Отцом. Разлуку, которую прости, мой ненаглядный, поколь придется тебе иметь.

– Отец! Отец! – сызнова прошелестел я.

И тотчас резко дернулся. И махом клейкие листки выпустили из своей опушки золотисто-коричневое смолистое, растительное вещество (которое можно сопоставить по составу с пчелиным клеем, черным воском, бальзамом, прополисом) и еще мягче окутали меня. Они не только плотнее скрепили меня с веточками, но и мгновенно сняли напряжение и огорчение.

– Не надобно, не надобно так рваться, мой милый малецык, – проронил Родитель и лучистость его марных очей, словно ночное небо, которое я наблюдал в зале пагоды, в доли бхараней обволокли меня теплотой и любовью, такой мощной... наполняющей... умиротворяющей. – Обещаю, разлука с Отцом не будет долгой, – продолжил толкования он. – Совсем, короткой. – Родитель протянул в сторону меня руку и коснулся макушки короткими четырьмя перстами, где в отличие от Богов отсутствовал четвертый палец, у зекрийцев величаемый безымянный. – Если Перший не повинится в ближайшее время пред мной, ты побудешь подле Расов. Но только до того момента поколь не подашь зов. После зова, я уверен, мой старший сын сразу прибудет ко мне, и я позволю забрать тебя у Расов... И ты, моя драгоценность, будешь подле Отца. Одначе не так как он хотел в Татании, в системе Купавки, на планете Палуба, а определенно в какой-то иной, где живут отпрыски иных моих сынов, ибо тебе нужны особые условия взросления, особое соперничество... Думаю идеальным для того местом будет Серебряная Льга, тем паче люди там по большей частью с темноватым отблеском кожи, что тебе будет приятно. А там я думаю не более двух-трех жизней, и произойдет твое перерождение, абы ты уникальный, неповторимый мой малецык... Ну, а после лишь тебе выбирать печищу. Впрочем, выскажусь... Что для тебя идеальной станет одна печища Димургов, так как с твоими способностями, особой исключительностью и хрупкостью сможет справиться только мой любимый, старший сын Господь Перший.

Перший...

Перший...

Перший почасту гудело во мне это божественное величание...

Величание первого, старшего, главенствующего сына Родителя, моего Творца. Оно переплеталось с величанием Отца и вызывало боль, многожды большую чем ту, что я испытывал от ударов молний. Посему почасту, дабы снять ее листочки выпускали черный воск и им окутывали меня. Не менее часто, по причине моего беспокойства, приходил Родитель. И также ласково меня, поглаживая, умиротворял. Он много говорил, поясняя интересующие меня моменты творения Всевышнего и Галактик, рассказывал о рождении четверки Богов, Его сынов, являющихся Его сутью и долей. Так как, часть знаний во мне жила с самого начала, Родителю по обыкновению доставалось только поддерживать, аль дополнять мои высказывания. Откуда во мне имелись те знания, не трудно догадаться, абы я был той самой «Изюминкой Всевышнего», как величал меня Родитель.

Впрочем, во Всевышнем не я один был неповторимым... уникальным, поелику количество сынов Родителя, также указывала на неординарность нашей Вселенной. Ибо Родитель мог даровать жизнь лишь трем сынам. Понеже в Его многогранности, полностью соответствующей восьмигранной пирамиде, наполненной энергией, структурированным пространством и строго выверенными закономерностями, возможно было отделение всего-навсе трех боковых граней, плоскостей, абы Родитель не потерял собственной сути Творца. Образование нового организма происходило так называемым бесполом размножением (так как для Родителя, обобщенно, как и для Его сынов, сие размножение являлось естественным) и приводило к формированию генетически однородной особи, копии Родителя. Копии, клона, оттиска лишь Его единой грани, той самой каковой Он жертвовал, каковую отделял от себя.

В случае с Першим и Небо, Творцу всех Галактик, пришлось свернуть одну из собственных плоскостей восьмигранника (понятнее сказать частей тела, оные у Родителя были представлены двумя руками, двумя ногами, туловищем, головой и двумя крыльями) до состояния зиготы, клетки, одноклеточного зародыша, сверху покрытого плотной оболочкой. Что в тот раз пожертвовал от себя Родитель не ведомо... Ведомо, определено, только Ему. Одначе, полученную зиготу отделив от себя, Он поместил (точь-в-точь, как днесь со мной) на ветку солнечной березы в Березане. А Сам... Сам, обладая способностью регенерации, наново воссоздал свою руку... а может ногу... крыло... вряд ли голову али туловище.

Зигота была целостной, и в ней в состоянии покоя находилась единая плоть, грань, плоскость Родителя, обладающая способностями и качествами, оные в скором времени, по непонятной причине разделятся на две составляющие... и станут Ночью и Днем... Светом и Тьмой... Золотом и Серебром. Когда стенки зиготы обмякли, к удивлению Родителя, из нее отделившись, появились Перший и Небо. Безусловно, сия отведенная доля Творца всех Галактик в свой черед непременно б расчленилась на определенное количество плоскостей, абы, как и ее прародитель, должна обладать многогранностью. Только этот процесс происходил вже после того как зигота выпустит из себя юное сияющее божество. А почему раздробление произошло в состоянии покоя зиготы? Почему грани не просто сформировались, а полностью отделились друг от друга, образовав два отдельных фрагмента Першего и Небо, было неизвестно даже Родителю.

Перший!

Старший не потому как первым вылупился, а потому как первым осознал себя ликом, субъектом, Богом. Будущим Господом Першим!

Вероятно, поэтому было бы правильнее сказать, что само разделение способностей, разделение на белое и черное, свет и тьму в отношении Небо и Першего, стало той самой «Изюминкой Всевышнего». Абы, как норма, как правило, данные способности находятся только в руках Творца всех Галактик и Его старшего сына... находятся в таком виде по определению в других Вселенных.

От Родителя веяло в отношении меня нежностью и любовью, которая обволакивала, укутывала и ласково покачивала меня на ветки древа, умиротворяя. Словно ощущая свою вину

предо мной, Творец Галактик часточко толковал об Отце. О своевольстве Першего, и неподчинение Законам Бытия, которые были в свой черед сутью Его самого и построения Всевышнего, прописанной, впаянной, внедренной в стенки Вселенной и плоскости восьмигранника самого Родителя. Из пояснений Творца всех Галактик я понял, что если бы не оказался той самой уникальностью, Отца лишили права соперничать за меня и впитать в свою печь. Поелику он пытался взломать, нарушить цепь течения Закона Бытия и движения Коло Жизни. И ноне Родитель действовал не абы наказать Першего, а абы не навредить мне. Он меня любил и, очевидно, старался сделать все, чтобы Самому обойти Закон Бытия и не разлучить меня с тем от кого я так сильно зависел.

Глава четвертая

В последний раз Родитель пришел не один.

На материи синего сакхи позадь спины, в оное Он был обряжен, воочью проступала пара округлых крыльев, с заостренными кончиками. Днесь в спокойном состоянии они были сложены вдоль спины, выходя из лопаточной области и достигая поясничного отдела позвоночника, а приводились в действие за счет движения в основном спинно-брюшных мышц. Внешне крылья выглядели прозрачно-серыми, с серебристым отливом, покрытые мелкими волосками, они имели тончайшие жилки, меж коими были натянуты перепонки. Родитель почитай не пользовался крыльями, а имел их главным образом по причине обладания общего генома творений Всевышнего. По большей частью Он их вообще убирал под одеяние, складывая продольно на спине, обаче так как я всем интересовался, почасту демонстрировал их при мне.

Обок же Родителя стояло совсем маленькое создание, едва достигающее середины его лядвеи. Такое же, как его Творец, крепкого телосложения, с широкими для своего роста плечами и мускулистыми руками и ногами. Скажем так, на шарообразной голове существа имелось круглое, четко описанное по грани лицо, одначе, несколько сдвинутый назад подбородок. Меж тем высокий лоб, длинный, костлявый нос, толстые, выпуклые, почти рдяные губы и замечательные глаза... Замечательно красивые, где нижние веки образовывали прямую линию, а верхние изгибались дугой. Они были не только крупными, но и удивительного цвета. Зрачков там не имелось, впрочем, как и у многих существ, не только Богов, зато радужки, подобно вытянутому ромбу, были насыщенно-пурпурными. Окруженные, вдоль линий, не менее удивительной по оттенку ярко-желтой склерой. Ни лице существа не имелось бровей, ресниц, хотя сверху над веком располагалась дополнительная складка, второе веко, более объемное. Потому, когда создание мигало, глаз закрывался сначала одним, а засим вторым веком. Не обладало существо волосами на голове али растительностью в виде бороды и усов на лице. Сама голова на округлой макушке залащенная переливалась коричневым отливом, ибо и вся кожа на теле была того же темно-коричневого, почти черного цвета. Обряженный в короткие до колен белые шаровары (порой виденные мной на старших братьях Стыне и Темряе) купно схваченные под коленом и в тонкую без рукавов и ворота короткую тунику, он не имел обуви. Отчего четко просматривались его дюже узкие и короткие стопы, оканчивающиеся четырьмя пальцами. Не менее узкими и короткими были кисти и пальцы на руках, чем-то схожие с перстами Родителя. Множественные, серебристые узоры украшали кожу лица, рук и ног, да, как я догадался, и остальные части тела. Они создавали единое полотно на коже, будучи не столько нанесенными сверху, сколько включенными в сам наружный покров. Среди тех узоров воочию просматривались токмо определенные символы, письмена, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, графемы, геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, как я смекнул, принадлежащие моему дорогому Отцу.

– Здравствуй, мой милый, – ласково произнес Родитель, он всегда ласкал меня словами. – Не узнаешь, моего помощника?

Я напряженно взгляделся в лицо пришедшего существа, на коже которого серебристые узоры как-то насыщенно замерцали, и поелику всего-навсе давеча пришел в себя после длительного отключения и был несколько раздраженным, недовольно шевельнул губами: «Нет!» Даже, и, не стараясь себя, напрячь распознаванием пришедшего существа.

– Это Гамаюн-Вихо, – пояснил Родитель, наверно уловив недовольство, а потому протянув руку, приголубил меня. – Саиб племени вещих птиц гамаюн серебряной рати. – Он широко засиял, подсвечивая собственную марность кожи всполохами света так, что закружилось вокруг него облако с перемещающейся по его поверхности клинописью и образами. – Главный мой помощник, хотя он утверждает, что является только прислужником. Тот, кто осуществляет

общение меж мной и моим любимым сыном Першим, ибо, как ты надеюсь, понял, малецык вельми порой бывает своевольным. Для того и нужен мне Гамаюн-Вихо, чтобы сумел привести в чувства и к подчинению старшего из Димургов. Ты, наверняка, видел Гамаюн-Вихо в пагоде Отца, поелику это именно он приметил твое сияние, рождение в руке моего сына.

«Точно!» – воскликнул я, припоминая... Я это, как можно понять, не сказал, а лишь шевельнул губами, но весьма эмоционально.

Я видел данное создание в пагоде. Он тогда возник пред нами столь внезапно, вроде свалился со свода залы напоминающего ночное небо, где поместились многоконечные звезды, лучисто мерцающие и наполняющие округлое помещение, с зеркальными стенами и полом мягким светом и густоватой, дымчато-серой материей, приобретающей подле Богов вид испарений.

Отец едва успел схоронить меня под рукавом своего черного сакхи, вернее то сияние, что пробивалось с под его кожи. Нам тогда казалось, что Вихорек, как ласково величал его мой Творец, меня не приметил...

Оказывается, приметил!

Успокаивая меня много позже, ибо я весьма растревожился, Перший сказывал, что Вихорек ему близок, предан и очень его любит. И никогда не станет, даже если, что узрел, рассказывать о том Родителю.

– Но он ничего не увидел, не беспокойся, мой любезный, – нежно продышал тогда Отец, укачивая, умиротворяя меня.

Выходит Вихорек, Гамаюн-Вихо все приметил... И все рассказал Родителю...

– Доносчик, – однако, озвучил я шевелением губ.

И увидел, как обидчиво дернулись уста Гамаюн-Вихо. Того самого, что не просто рассказал, а еще и пленил меня на Зекрой.

– Нет! Нет! – на удивление торопливо отозвался Родитель и переместил свою удлиненную руку с моей макушки на оголенную голову саиба гамаюнов. – Не стоит так говорить, про моего оголеца. Гамаюн-Вихо не доносчик. Он, конечно, узрел твое появление, иначе, достаточно сильно привязанный к Першему, постарался сие скрыть от меня. И не только скрыть, но и сам скрыться, абы я не нарушил замыслы сына. Отческие недра вельми обширны, здесь много созвездий, систем, планет. Спрятаться можно, только не от меня. Гамаюн-Вихо вmale нашли, и хотя он сопротивлялся, принесли ко мне.

– Притащили Родитель, скажем точнее. Потому вам пришлось засим меня чинить, – вклинился в речь Творца Галактик саиб гамаюнов и дуже благодушно зыркнул вверх, словно получал удовольствие оттого, что за него вступились.

– Да, мой замечательный оголец, грубо притащили, – согласился, на удивление мне очень скоро, Родитель. Поразив меня таковой легкостью общения со столь малым своим творением. – Но я уже о том тебе говаривал. Не надобно было сопротивляться, это бесполезно и только навредит тебе... А после, мой ненаглядный Крушец, я смог все вынуть из оголеца, так как обладаю на то достаточными возможностями. Поэтому не стоит на моего главного помощника тебе, малецык, сердчать. Он поверь, старался, как мог, абы сокрыть от меня замыслы моего сына.

– Прости, – немедля откликнулся я. Хотя внутри считал, что все же мог бы тогда не излавливать и радостью выполненного не оглушать меня, коли не желал вредить замыслам Отца.

По-видимому, я все же еще чего-то шевельнул губами, порой мои мысли и движения путались. Это, как пояснял Отец, было естественным, чтобы мои волнения не ускользнули от старших. Так вот, верно, я помимо «прости», досказал, что-то огорчительное, понеже Гамаюн-Вихо туго затряс головой, а вместе с ней заколыхалась рука Родителя пристроенная сверху на ней.

– Гамаюн-Вихо не может не выполнить моих распоряжений, тем более, – ответил Творец Галактик и сызнава заулыбался. Он почасту сиял, когда толковал со мной, будто был в восторге

от моих мыслей и вопросов. Определенно, Он был в восторге от меня всего. – Я умею заставить. Не только существ, но ежели понадобится и своих Сынов. Впрочем, я ноне пришел...

Только я не дал договорить Ему, и торопко шевельнул губами, направляя вопрос. Родитель незамедлительно прервался. Для него вообще было важным разъяснить интересующее меня, Он всегда старался предельно четко все растолковать, а инолды, если получалось, даже показать. Мои знания у Родителя стояли в приоритете. «Им ничего не должно мешать увеличиваться в объеме», – порой говорил Он.

Вот и днесь услышав меня, Творец Галактик прервал собственную речь, а после, отвечая на мои поспрашивания, сказал:

– Ты прав, мой бесценный, гамаюны особые существа. Умеющие изменять внешность, форму тела и качественные признаки, характеристики плоти, ибо обладают особыми к тому способностями, приближенными к божественным. Это племя создано мной, из отобранных лично мной особых по составу сияющих искр, с применением элементов, соединений, что наполняют Березань. Они подчиняются одному мне, осуществляя связь с сынами, выполняя мои поручения. Помимо гамаюнов серебряной рати, существуют также вещицы птицы гамаюн золотой рати, и платиновой. Каковые, соответственно, осуществляют мое общение с Небо, Дивным, и Асилом. Эти рати не менее крупные возглавляют Гамаюн-Мэхпи и Гамаюн-Мэхка. Одначе, моим любимцем был и остается мой замечательный, Гамаюн-Вихо.

Родитель смолк, вероятно, давая возможность оценить этих уникальных творений, но я все еще на них досадовал и потому даже не глянул на саиба гамаюнов. Хотя он зыркал в мою сторону и заискивающе улыбался, точно выпрашивая прощения и внимания.

– Ну, а теперь по поводу моих замыслов, Крушец, – начал, было Родитель и прервался.

Крушец... Вообще-то Родитель не должен величать меня по этому имени. По Законам Бытия, у лучицы не может быть имени вплоть до перерождения. Приходя на Коло Жизни лучица выбирает не только свою печищу, общие ее признаки, но и имя. Однако, еще будучи в руке Першего, я попросил его дать мне имя. «Отец, почему я должен ждать имя. Ждать так долго... Хочу, чтобы ты дал его сейчас... Ведь у всего, что нас окружает, есть название... А лучица, как ноне величаете вы меня, это столь неопределенное, придающее мне общую классификацию божественного вида, в нем нет конкретики, нет меня как индивидуума...»

Очевидно, Отцу показались достаточно вескими приведенные мной аргументы, потому я и получил это имя.

Имя – Крушец.

Серебро – благородный металл, ценный крушец, как правильно говорил Родитель, то, что и в величание будет роднить меня с Творцом. Ибо повелителем ковкого, пластичного, серебристо-белого материала, серебра, являлся Перший.

– Днесь, мой дорогой Крушец, – продолжил толковать, благодушно на меня поглядывая, Родитель, похоже ощутив мои мысли. – Гамаюн-Вихо заключит тебя в сосуд.

– Нет! – дюже спешно шевельнул я губами, так как совсем не хотел сызнава оказаться в сосуде, – несколько так прикипел к новому месту и этой ветке.

Несомненно, я все это прошелестел губами, потому как не только широко просиял Родитель, но и звонко засмеялся Гамаюн-Вихо. Столь его зазвончатый смех прокатился по раскинувшейся ниве и мелко... мелко заколыхал колосками былия. Посему они разком судорожно затрясли своими одиночными янтарного цвета зернятками испускающими из себя легкое рыжее сияние, а мгновение спустя вниз на землю посыпались и вовсе крупные золото-огненные капли, теперь вже прямо-таки набор зачатков ген. В Березане обобщенно нельзя было столь жизненно смеяться, впрочем, саибу гамаюнов не стоило и говорить, або звук его голоса казался столь высоким, что сотрясал и мое сияющее естество. Нельзя, потому как за Березанью приглядывали служители Родителя, так называемое племя Жар-птиц, оные осуществляли контроль за дверями, створками ворот, калитками, окнами, люками, опакушами. Жар-птицы

могли, принять сей высокий звук за вирус, чуждую форму жизни, обладающую иным даже для Березани геномом, который попав в нашего Всевышнего мог препятствовать слаженности работы наполняющих его Галактик, а также оказывался способным исказить информацию, переписать символы, письма, руны, литеры, свастики, ваджеры, буквы, иероглифы, цифры, знаки, графемы, иногда геометрические фигуры, образы людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет и самих систем. Вельми редко такие вирусы попадали в Березань, просачиваясь из других Вселенных, и как итог уничтожались служителями Родителя. Жар-птицы были удивительными существами, своим обликом напоминая птицу, ибо являлись некогда прародителями обобщенно племени сих теплокровных, позвоночных животных. Они обладали ярчайшим золото-рдяным опереньем, по поверхности которого струились огненные искры, определенный состав клинописи, способный распознать и истребить вирус, величаемый еще темная материя, темная энергия.

Откуда я узнал про Жар-птиц?..

В этот раз мне про них рассказал Родитель. Сначала рассказал, а после показал.

Удивительно, но про этих существ я не ведал, а увидев их, несколько так сотрясся... Испугавшись не столько их неповторимого сияющего вида, когда они, зависнув недалеко от Творца Галактик, синхронно взмахивали широкими крыльями, с, тем не менее, размашисто распушив долгие перья хвоста, сколько того, что коли б встреча наша прошла ранее, вряд ли ноне я смог их лицезреть. Впрочем, как и самого их Создателя.

– Послушай, милый малецык, – дополнил свою много раз прерванную молвь Родитель. – Гамаюн-Вихо заключит тебя в сосуд и доставит в Золотую Галактику, Созвездие Льва, Систему Козья Ножка, на планету Зекрая, чтобы ты вселился в человеческую плоть. Ты должен постараться сглотнуть искру, чтобы привязать себя к плоти. В целом все, так как учил тебя Перший, и тогда, надеюсь, вскоре ты его увидишь...

Отец!

Увидеть тебя для меня было таким важным, что я согласился. И как только сказал «да», ветка, на которой восседал, медлительно стала удлиняться и одновременно наклоняться вниз... А вместе с ней, как и понятно, опускался я.

Неспешно миновал я лицо Родителя... его плечи... стан. Он слегка вздел вверх левую руку и провел перстами по моей макушке, успокаивая меня тем движением, а после я поравнялся с лицом Гамаюн-Вихо. Определенно, я заглянул в недра его пурпурных радужек глаз, размытых по краю ярко-желтой склерой и поигрывающей оранжевым оттенком. Да неожиданно для себя увидел далекую планету.

Скалистые серо-голубые горные гряды, собранные из рыхлых каменно-ледяных глыб, окружали с одного окоема мощное плато. Почва, которого такая же голубоватая с прорехами более темных пятен была изрыта глубокими узкими рытвина и округлыми впадинами. Сама поверхность гор и почвы легохонько светилась, флуоресцируя, принимая под воздействием ультрафиолетовых лучей голубоватую окраску. Черный небосвод, раскинувшийся над этой частью планеты, едва оттенялся по краю голубоватыми лучами, в нем зримо просматривались небольшие, почти иссиня-черные, низко нависающие шарообразные спутники. И испускающая, те самые ультрафиолетовые, лучи уже многожды удаленная от планеты, огромная звезда. Только не привычного почти белого свечения, оный у поверхности обитаемых планет приобретает несколько желтоватый оттенок, а насыщенного голубого света. Еще миг и явственно проступило и само плато неизвестной планеты, изрезанное неглубокими каньонами, впадинами, в каковых хоронились почитай ледяные насты, иссекающие острыми своими краями стены возвышенностей. В одной из таких рытвин туго спеленованный густо-синей сетью лежал Гамаюн-Вихо в нынешнем своем виде. Воочью проступил его несколько остекленело-напряженный взгляд, иссеченное в мелкую выбоину круглое лицо, покрытое в тон голубоватому сиянию темно-серой кровью.

Казалось, саиб гамаюнов не только сам весь был недвижим... Чудилось, в нем остановилось биение... течение жизни...

Посему когда такой же голубовато-флуоресцирующий василиск навис над ним и выплюнув изо рта впадинки багряные шнуры-сосуды, концы которого прилепились к сети, поднял его... И голова, и такие же кровоточащие конечности, высунувшись из прорех сетей, бездвижно повиснув, закачались туды... сюды.

Наверно, я глубоко вздохнул...

Ан, нет! это перста Родителя огладив макушку, вернули меня в реальность. Видения былого... грядущего... мне это было доступно. Так пояснил Творец Галактик, когда растолковывал мне, что там, в коридоре, в трубчатом образовании Стлязь-Ра, в своем видении я зрел собственное космическое судно, кое создам в будущем.

К тому моменту, когда я увидел когда-то произошедшее с Гамаюн-Вихо и проникся к нему теплотой, ветка на оной восседал, прекратила свое движение. Ее конец, изогнувшись, воткнулся в землю, а я оказался на уровне груди саиба гамаюнов.

Представляю, какую он пережил боль, на почти не живой, покрытой льдами, планете, стараясь скрыть от Родителя замыслы моего Отца, стараясь справиться с мощью рати платиновых гамаюнов, которым было велено его изловить и привести живым.

– Эм! саиб лучица, – звонкий и одновременно высокий голос Гамаюн-Вихо, звенел так громко, что отдавался во мне пронзительным стоном. – Поверьте мне! я все! все сделал, чтобы не выдать замыслы Господа Першего, так как он мне дороже меня самого. Но уж так получилось. Надеюсь, вы не будете на меня сердчать, когда переродитесь в Господа.

Я ничего ему не ответил. Поелику не просто ощутил боль в его речи. Я эту боль почувствовал, узрев прошлое и пережитое им. Гамаюн-Вихо медленно поднял вверх свою левую руку и я рассмотрел на ней мгновенно свернувшиеся по коло, словно перепутавшиеся, объединившиеся в нечто целое перста, образовавшие воронку, и несколько углубленное в ней пространство. Стенки воронки резко дернулись, и принялись выдвигаться вперед, по мере роста уменьшая в объеме само предплечье и плечо руки саиба гамаюнов.

– Не пугайся, моя любезность, – прозвучал надо мной голос Родителя. – Ты такая неповторимая уникальность, что я могу доверить тебя только особо приближенному ко мне Гамаюн-Вихо. Он и понесет тебя в своей конечности и поможет вселиться в плоть.

Еще немного я дюже пугливо смотрел на ту неглубокую воронку, коричневые стенки которой значимо выдвинувшись замерли, а после, когда они вновь пришли в движение, но теперь завертевшись по кругу, вроде наворачивая спираль, легохонько подался к ним. И в тот же миг липкие листки, ветоньки солнечной березы отпустили мое сияющее естество. Воронка тотчас втянула меня в глубины своей мягкой коричневой плоти. Ее стенки, дрогнув, плотно окутали со всех сторон меня, закупирили все щели, нежно качнули вправо... влево...

– Гамаюн-Вихо, – пробился сквозь те стены мягкий бархатисто-мелодичный голос Родителя. – Будь только осторожен. Не надобно, повторять, что ты везешь в себе самую большую бесценность нашей Вселенной. Новое, неповторимое и уникальное божество.

– Лучицу моего Господа Першего, – совсем тихо вторил своему Творцу саиб гамаюнов.

Глава пятая

Конечно, Отец меня всему научил. Однако, многие знания, как и способности, во мне находились с самого моего появления... особенно у меня. Очевидно, это было связано с самим моим возникновением. Я аки божество «неповторимое и уникальное», как величал меня Перший, «Изюминка Всевышнего», как говорил Родитель, уже нес их в себе. Впрочем, возможностью проникнуть в человека, обладала каждая лучица. И Отец, в свое время, прежде чем меня выпустить пояснил, каким образом сие самое вселение я смогу проделать. Но он только пояснил... только растолковал, самой же практикой я не занимался. И вельми волновался, еще тогда, когда находился в руке Творца, еще тогда, когда он меня выпускал. Я страшился подвести моего любимого Отца, страшился подвести его чаяния...

Тогда...

Тогда, Отец был рядом, совсем близко и посему я хоть и тревожился, но верил в свои силы.

Нынче, когда стенки плоти саиб гамаюна прижимались ко мне, нежно лаская, все изменилось. Я почасту от волнения стал отключаться. А если и приходил в себя так ярко сиял, что Гамаюн-Вихо не раз шептал успокоительные слова надо мной. Хотя... Такой его звонкий голос, вряд ли располагал к умиротворению, скорее он предназначался, абы пробудить, встряхнуть, придать бодрости. И оттого напряжения я волновался еще сильнее, боясь, что не смогу вселиться в плоть и потому не увижу моего дорогого Творца.

– Может, стоит изъять женщину носящую чадо с Зекрой и поместить к нам на пагоду, чтобы все прошло благополучно? – говорил Вежды, прибывший прямо перед самым моим выпуском из руки в пагоду Першего. – Чтобы мы были уверены в благополучном вселении лучицы?

Это был в отличие от Отца весьма крепкий в стане и плечах Господь. Его черная кожа, как и положено всем Жиждителям, отливала золотом, и сквозь ее тонкую поверхность проглядывали оранжевые паутинные кровеносные сосуды и еще более ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Показано-уплощенной смотрелась голова Бога, поросшая мельчайшими, точно пушок завитками курчавых черных волос, а лицо с четкими линиями, где в целом высота превосходила ширину, завершалось угловатым острием подбородка. Тонкими, дугообразными были брови моего старшего брата, крупными с приподнятыми вверх уголками темные глаза, широким и с тем несколько плоским нос, а толстые губы иноредь озарялись почти рдяно-смаглыми переливами света. У Вежды, как почти и у других Димургов, кроме Темряя, не имелось волосяного покрова на лице.

Вежды был одет в черное долгополое сакхи, а на стопах его ног поместились серебряные сандалии.

Величественно смотрелся венец на голове старшего брата, по коло пролегающий широкий белый обод, твореный из серебра и переплетенный сетью тончайших беложилок, состоящих из нервных волокон всех существующих во Всевышнем живых созданий, он удерживал на себе три платиновые полосы. Основу данных полос образовывали сосудисто-волоконистые нити, которые пересекаясь с другими такими же волоконцами, образовывали сети (подобные тем, что покрывали крылья насекомых) сходящиеся на макушке, и единожды окутывающие всю голову Господа. Из наверхия тех полос ввысь устремлялся узкий, невысокий столбик на коем располагался глаз, обобщенно повторяющий форму божественного. Окутанный багрянными сосудами и белыми жилками с обратной стороны, впереди он живописал белую склеру, коричневую радужку и черный ромбически-вытянутый зрачок. Глаз представлял собой сплюс-

нутый сфероид, каковой иноредь смыкался тонкой золотой оболочкой, вроде кожицы, подобием двух век сходящихся в центре едва зримой полосой.

Мой старший брат любил украшения, посему, даже несмотря на волнение, был роскошно ими увенчан. Серебряные, платиновые и золотые браслеты поместились на его руках от запястья вплоть до локтя, крупные перстни на перстах, широкая плетеная в несколько рядьев серебряная цепь на шее. Серьги и проколы усыпали мочки и ушные раковины Бога, мерцая крупными камнями василько-синих сапфиров и фиолетового аметиста. Не менее крупные почти синие-алые сапфиры по уголкам прихватили очи Вежды, придавая им небольшую раскосость.

Он также, как и Мор, уже давно не виделся с Отцом и младшими братьями: Стынем и Темряем, и досель не был посвящен в то, что я появился и расту в руке Першего. Узнав о моем будущем вселении давеча, когда его нарочно для знакомства со мной вызвал наш Творец, Вежды был не просто ошарашен... Он подолгу высказывал Отцу о свершенном им безрассудстве, уговаривая повиниться пред Родителем и столкнуться с братьями. Каковыми горячими разговорами вельми меня волновал так, что я принимался ярко сиять.

Это был, наверно, один из самых последних их разговоров и Вежды вновь старался повлиять на Отца, теперь уже предлагая провести мое вселение под присмотром бесиц-трясавиц, и в безопасной для меня кирке на пагоде.

– Нет, это также опасно, – несогласно отозвался на данное предложение старший Димург. Он был так возбужден, что та взволнованность передавалась мне, и, абы я не сиял волнением, Отец почасту гладил перстами правой руки кожу на левой, тем самым умиротворяя:

– Родитель это может заметить, и тогда уничтожит моего малецыка, – добавлял Перший.

– Ничего не приметит. Как это вообще возможно заметить? – настаивал Вежды. Степенный, как мне казалось, старший брат ноне горячился, торопко прохаживаясь по залу пагоды... Боялся... Он также боялся за меня. – Дадим указания, марухам, взять хоть. Они нынче у меня в чанди, ибо я их перевожу в Сухменное Угорье. Они изымут с планеты женщину. Поместим ее в кирку и ты тогда выпустишь лучицу.

– Нет, данное перемещение... Мелькание, тем паче марух, которых и вовсе не должно быть на Зекрой, как и нашей пагоды в Козьей Ножке, прислужники Родителя заметят. И тогда Он пришлет своих гамаюнов, – с нарастающей тревогой говорил Отец. – И это явственно будут не гамаюны серебряной рати, а явно золотой или платиновой. И они враз уничтожат и самого человека, и нашего бесценного малецыка, поелику его появление нарушило Законы Бытия, так как проходило в тайне.

Несомненно, Отец был не прав. Во-первых Родитель не стал бы уничтожать лучицу, а вдруг она оказалось мной... Той самой неповторимой, уникальной, ожидаемой Им. Скорее всего, Он бы повелел просто изловить и увести меня от Першего. И, безусловно, это было лучше, так как тогда мой Отец ведал, что я в руках Родителя...

А теперь...

Теперь... В том страхе, какой им владел, как он отнесся к моей пропаже.

Бедный, бедный мой Творец, что он подумал, когда посланные им существа не нашли меня в плоти родившегося ребенка. Наверно предположил, что я затерялся на Зекрой или улетел в космическую даль, ведь там не имелось положенного щита, что устанавливал Родитель, когда на планете обитала лучица. Да и я поколь, не обладающий так называемой вещественностью материи, мог запросто вырваться из притяжения Зекрой и умчаться в безграничное мироздание Всевышнего. Похоже, именно поэтому Отец не прибыл к Родителю, не повинился и как итог не узнал о моем местонахождении.

Днесь когда я сизнова летел на Зекрую, моей мечтой стало увидеть тебя... тебя – Отец. А для этого нужно было вселиться в плоть, только меня несколько пугала та самая плоть...

«Паболдырь, девочка, слабое сердце и мощный мозг с искрой Першего», – как распорядился Родитель. Отец пояснял, что я должен родиться в черном, здоровом мужском отпрыске Димургов. А тут девочка, больная да еще и паболдырь... Паболдырь, это дитя, у которого один из родителей светлый, а второй болдырь, метис, второе поколение помеси. Очевидно, не самое лучшее для меня – божества и уж точно не то, что желал мне Отец.

Все эти тревожные мысли, постоянно испытываемое мной напряжение, привели к тому, что когда Гамаюн-Вихо сообщил о нашем прибытии на Зекрую, я, напугавшись, сызнова отключился. Правда ненадолго, а когда обрел себя, услышал весьма приглушенный и нескрываемо встревоженный его голос:

– Саиб лучица... Саиб лучица, что с вами? Прошу вас откликнитесь. Прошу вас успокойтесь. Вам надобно успокоиться и обрести образ искры, чтобы вселиться в плоть.

– Нет, – наконец шевельнул я губами. – Я боюсь... боюсь, что у меня ничего не получится. Что я вообще не тот за кого меня принял Родитель. Отнеси, отнеси меня к Отцу. Коли он тебе так дорого, отнеси к нему.

– Эм! саиб лучица, – голос Гамаюн-Вихо послышался зараз более звонким, похоже, он обрадовался, что я пришел в себя. – Я не могу вас отнести к Господу Першему, хотя и жажду того сделать. Но я тут не один. И те, кто подле меня исполняют распоряжения Родителя, даже если им для этого придется оторвать мне конечность. Они не преданы Димургам, для них основа Зиждители Небо и Дивный, потому я им безразличен, как и замыслы вашего Отца, моего дорогого Господа. Я прошу вас, саиб лучица, потерпеть немного. И в мале вы увидите своего Творца. Господь Перший не прибыл в Отческие недра, не повинился, хотя Родитель его и звал не раз. Однако, Родитель сказывал мне, что как только Господь к нему прибудет. Он сразу разрешит ему забрать вас. Если это не случится в ближайшее время, то услышав ваш зов, Господь сообразит, где вы обитаете и тогда, непременно, повинится... Просто недопустимо нарушать Закон Бытия. Родителю итак, абы вас не разлучать с Отцом, придется обходить течение Закона Бытия, посему вы не негодитесь. Он делает все, что может... что в Его силах, – слышалось, как горько вздохнул саиб гамаюнов, видно он и впрямь ноне разрывался от любви к Першему и Родителю.

Впрочем, я на Родителя не сердился. Я все понимал. Просто жаждал быть подле своего Творца. Мне, кажется, токмо подле него я мог ощущать спокойствие и уверенность в себе.

– Может, ты скажешь тогда Отцу где я. Али подскажешь, что ему надо повинится, – эта была уже мольба. Страх окутывал меня все плотней и плотней и я, точно ощущал непереносимую смурь своего Творца по мне. Потому делал последний шаг, абы успокоить его и себя, абы воссоединиться с ним.

– Не могу, – голос Гамаюн-Вихо вновь зазвучал приглушено, и стал срывать да переходить на низкие полутона. – Я лишен права видеть Господа и иных Димургов, поколь старший из них не повинится перед Родителем. А иные гамаюны серебряной рати лишены права общения со мной. Ноне я живу среди гамаюнов золотой рати. Я наказан. Наказан за то, что пытался скрыться. И за то, что сопротивляясь воли исполнителей Родителя, так сильно пострадал. Так сильно, что потом Родителю пришлось чинить меня и тратить свое драгоценное пространственное бытие и материю, – определенно, последнюю фразу саиб гамаюнов процитировал в точности за своим Творцом.

А я вспомнил мотыляющееся маленькое тельце Гамаюн-Вихо и проникся к нему еще большим уважением. Выходит, пострадал от замыслов моего дорогого Отца так сильно не только я, но и его милый Вихорек.

Однако, меня все еще пугала мысль, что я не тот за кого принимал меня Родитель. Что не смогу, не сумею справиться с возложенным на меня и принять образ искры. Мне нужен был Отец, только обок него... только от его успокоительного бас-баритона, я черпал свои силы и уверенность. И о сем я наново шевельнул губами.

– У вас все получится саиб лучица, – убежденно отозвался Гамаюн-Вихо. – Не сомневайтесь в себе. И Родитель никоим образом не мог ошибиться в вашей уникальности. Ведь это Родитель. Он так долго ждал вашего появления, вже было перестал и надеяться. Думая, что та удача обошла нашего Всевышнего. Ведь лучица с вашей уникальностью и мощью, обладающая способностями Четверки Старших Богов, и признаками равными Родителю, могла появиться лишь у Господа Першего и Зиждителя Небо. Как сути самой стихии природы, творения... Ночи и Дня... Тьмы и Света. Вы станете Его основным помощником. Станете вторым Родителем. Посему успокойтесь и просто поверьте в себя. Тем паче обратиться в искру, это заложено в любой лучице. Все будет ладно, просто следуйте пояснения, что вам допрежь того выдал Господь Перший. И днесь помните, материнского лона не будет, а вы сразу попадете в носовую полость. Потому вам нужно будет всего-навсе добраться до мозга.

Легко сказать следуйте пояснениям... добраться до мозга...

Как же следовать, коли из моего естества от пережитого, похоже, все знания испарились. Впрочем, я понимал, что попробовать... хотя бы попробовать стоит. Ну, наверно, чтобы ощутить собственные способности, в коих я до сих пор не был уверен.

– Гамаюн-Вихо... Вихорек, – шевельнул я губами напоследок, нарочно назвав саиба гамаюнов так ласково, и проникся к нему такой теплотой, словно нас, что-то мощно роднило. – Надеюсь, мне удастся пройти весь путь до перерождения. И мы еще увидимся. Увидимся подле моего Отца.

Я гулко дыхнул... Ах! Нет! я же еще не мог, не умел дышать. Это дыхнул Гамаюн-Вихо и тягостно колыхнулись стенки воронки, огладив, приголубив аль поцеловав меня.

А я стал преображаться, так как меня учил Творец.

Вначале я ярко засветился, что умел делать с легкостью. А после принялся наращивать сияние, вроде поощряя себя гореть сильнее, насыщенней и одновременно в той лучистости сгущая собственное естество. Я ощущал, как судорожно дернувшись, стали сжиматься отблески моей сияющей сути. Как медлительно из мощного пылающего тела, я обратился в малую кроху, зачаток огня, в искру. На малость точно затерявшись в такой неоглядной, безбрежной воронке. Однако, я сберег и свою форму тугого комка сияния с округлой макушкой и тонким изогнутым остроносым хвостиком, и рот, и впадинки очей и даже свой смаглый свет. А засим услышал и вовсе долетевший, вроде издалека и какой-то раскатистый голос Гамаюн-Вихо:

– Саиб лучица, а теперь по движению воронки в плоть.

Прошло совсем чуть-чуть времени и вокруг меня сомкнулось пространство, ибо я не то, чтобы дотянулся... Я просто смог разглядеть округлые стенки воронки и значимо проступившие на ее поверхности серебристые линии, живописующие клинопись или образы принадлежащие моему Отцу. И тотчас позади меня появилась степенно надвигающаяся темная перегородка, поощряющая двигаться вперед. Поелику я и устремился вперед. Туда, к неведомой для меня человеческой плоти, к чему-то новому, непознанному, пугающему. Впрочем, мысль, что я с такой легкостью перешел из одного состояния в иное, ежели точнее объяснить, из состояния плазмы, полностью ионизированного газа, в мельчайшую частичку раскаленного вещества, придала мне уверенности в собственных силах.

Вскоре я миновал сами стенки воронки, и, похоже, влетел в плоть, ибо сменилась не только тональность света, но и сама обстановка. Днесь теплота и мягкость исчезнув, уступила место явной сырости, одначе, не уменьшились размеры того носового хода, понеже я догадался, что попал именно в него. Казалось, что я не просто летел, а меня точно несли, вероятно, воронка придала моему движению инерции, али человек просто вздохнул. Потому в доли бхараней я попал в более узкий канал, хотя в сравнении с моими размерами, он смотрелся просто огромным, и имел розоватый оттенок. На чуть-чуть предо мной живописалась белесая, одновременно, упругая преграда. Но я лишь с большей ретивостью, вдарился в ее поверхность и тотчас просочившись сквозь явственно костный заслон, попал и вовсе в без-

размерное пространство, где насыщенность красных стен вельми балансировала с блеклостью студенистой массы бледно-желтого цвета, почитай, полностью заполняющей собой те недра. Свет в незанятом бледно-желтым, студенистым веществом междупутье легохонько так рябил, словно дрожал...

Я был на месте.

И тогда сызнова принялся сиять. Нарастивая теперь не только яркость смаглого сияния, но и размеры. Заполняя собственным естеством проем меж мозгом и стенками черепной коробкой, а также насыщать собой сам орган. Входя в глубины мозга, окутывая его внутренние стенки.

Я не просто опутал мозг.

Я вроде как проник в его недра собственной макушкой. И узрел в том пористом веществе густо розового цвета многочисленные разветвленные сосуды, испещряющие ее поверхность вдоль, вглубь и поперек, со зримо блеснувшим в центре вельми значимым ядром. Рдяно-золотого света искра, такого же размера, как досель был и сам я, где тончайшие четыре лучика отходящие от центра имели серебристые переливы, составляла суть сего мозга. Я отворил рот, и как меня учил Родитель, сглотнул искру.

Ох! нет! Не сглотнул!

Она вдруг плотно облепила своими лучиками мой безгубый рот. Склеила и саму ротовую полость. Оказалось, что ядро мозга, сияющая искра моего Отца, была слишком большой для моего рта. Я не смог ее проглотить, она взяла и застряла во рту. Да так плотно, так крепко впиалась в края рта своим наверхием, лучиками, что ее теперь стало невозможным выплюнуть, невозможным протолкнуть вглубь моего сияющего естества, абы, таким побытом, объединить себя с мозгом, создав нити общего... целого... неделимого создания. Но самым огорчительным оказалось то, что ноне не шевелились края моего рта (хотя там еще не имелось форм губ, обаче, оттого они не теряли свои функции). Словом губы мои не шевелились, и я никак не мог подать о себе знать, даже прошелестеть о своем присутствии.

«Все ясно», – догадался я. Родитель это сделал нарочно. Он нарочно, чтобы я до времени не дал о себе знать, вселил меня в эту плоть, и указал сглотнуть искру. Плоть, которая не принадлежала намеренно родившемуся чаду. Это был более старшего возраста ребенок, какой уже успел переработать события своей жизни. И потому его искра так набухла, ибо собиралась, родить, собственным делением новое тело, только менее крупное и яркое. Родитель все точно рассчитал, и теперь я мог токмо сиять, плотно скрепленный, сцепленный с плотью. Я не мог вырваться и единожды не мог о себе никак заявить. Родитель не просто сделал это, абы я не подал о себе весть. Он, очевидно, пытался меня защитить, поелику поколь я не проглочу эту искру, не сумею порвать связи с мозгом, а значит не смогу покинуть плоть.

Стоило мне сцепиться с той искрой, как неожиданно я увидел окружающее меня в новом, каком-то приглушенном, неярком свете. Словно мгновенно сменились все сочные цвета на тусклые, блеклые. Одновременно пропала и вовсе часть оттенков, исчезла четкость линий, а вспять тому появилась расплывчатость.

И тогда я понял, ибо был Богом, пусть и чадом, что смотрю на Мир глазами человека. Все же я стал с ним единым, хотя с тем сохранил ясность своего естества, продолжая ощущать себя Крушецом. Наверно, я мог влиять на данное существо, о том я догадался, понеже дитя, открыв глаза и увидев сидящего обок себя, Гамаюн-Вихо с веретенообразным телом и огромной головой, на которой зрелись лишь два фасеточных глаза и пара усов, чуть слышно застонало. Скорей всего ребенок хотел заплакать, закричать, но я ему повелел молчать. И на удивление он резко сомкнул уста, что я также почувствовал. Не то, чтобы я управлял движением плоти, просто ощущал мановение частей его тела. И тотчас я услышал голос Гамаюн-Вихо:

– До встречи саиб лучица. Просто уверен, вскоре мы увидимся с вами на Коло Жизни.

Он еще морг смотрел на меня так, что в его фасеточных глазах сложенных из сотен срезанных наискось залащенных граней проявилось во множестве испуганное лицо ребенка, а после поднялся на свои длинные, гибкие ноги, дотоль как я понял, бывшие свернутыми в рулоны. И немедля к нему подлетел прозрачный василиск. Ноне я его едва разглядел, уж так он слился с цветом блекло-фиолетовой стены, на поверхности которой поблескивали нанесенные желтыми мазками рисунки в виде двух пересекающихся полос, концы которых были загнуты под прямым углом в одном направлении.

Саиб гамаюнов с легкостью оттолкнулся от поверхности ложа, на котором лежало дитя, и, подпрыгнув вверх, резво оказался в выемке на спине василиска. И тогда только я разглядел в прямоугольном помещении, где находился, еще четырех василисков и сидящих на них таких же веретенообразных гамаюнов, разместившихся по углам.

– Уходим! – повелительно крикнул Гамаюн-Вихо и я подумал, что сейчас чадо оглохнет, уж так пронзительно отозвался тот звук во мне.

Но засим, так как ребенок даже не шелохнулся, догадался, что голос вещих птиц гамаюнов он не слышит, ибо механические, упругие их колебания находились выше области частот способных быть услышанными человеческим ухом. А Гамаюн-Вихо меж тем направил своего василиска в угловатый свод помещения, куполом нависающий над ложем, и, пройдя его насквозь, исчез. Вдогон за ним, также неотступно следуя, точно не столько подчиняясь, сколько охраняя, и боясь отпустить на малое расстояние, просочились и остальные василиски с гамаюнами. Свод резко дернулся вниз, и, испрямившись, растянул по своей поверхности всякую угловатость, став вновь предельно ровным. И немедля на его полотне замерцали и вовсе крупными рисунками символы, оные, кстати, зекрийцы вельми почитали, как знак удачи и процветания, несколько его даже обожествляя. Считая, что когда-то он был ниспослан одним из Богов для зарождения жизни на Зекрой.

– Аннэ... аннэ, – чуть слышно прошептал ребенок.

И услышав его дрожащий, тоненький голосок я понял, что это совсем маленькое дитя, которому вряд ли больше половина асти.

– Замолчи, – мысленно повелел я, поелику был тоже маленьким и вельми огорченным.

И малыш смолк, хотя судя по всему, рот так и не закрыл. Я хотел было еще раз ему указать выполнить мое распоряжение, но внезапно в помещение появилось новое существо.

Создание воочью напоминающее Бога, ибо по большей частью все существа бывают похожими именно на своих Творцов. Это же существо лицезрелось предельно тощим, можно определить точней худосочное, хотя с тем и достаточно рослое. У него было однозначно туловище, как у Зиждителей, имелись две руки и две ноги, и даже голова. Хотя в отличие от своих Творцов создание было покрыто негустой сине-серой шерстью, образующей почитай сплошное одеяние. Шерсть обильно увивала лицо, широкий лоптастый хвост, туловище и конечности. На макушке несколько конусной головы существа находился хохолок, весьма жесткий и длинный, при движении колеблющийся пепельными волосками. На лице просматривались два небольших ярко-красных глаза, выглядывающий угловатый кончик носа и рот с явственно очерченными пурпурно-синими губами. По впалой груди существа пролегла наискось, начинающая от правого плеча и завершаясь подле соответствующего бедра, широкая кожаная полоса, удерживающая на спине квадратной формы хранилище, нарочно предназначенное для переноса и сохранности живого создания, называемое зыбка.

Существо медлительно подошло к ложу ребенка и воззрилось ему в лицо. И я услышал, как плоть сызнова зашептала:

– Аннэ... аннэ, – и почувствовал, как тягостно вздрогнула.

Еще миг и ребенок непременно закричал бы. Но я понимал, что пришли за мной. Ведь я знал, что Зекрая в мале должна погибнуть, а часть белых детей, отпрысков Огня, будет вывезена в Галактику Млечный Путь. Желтыми же, заселят одну из вновь созданных систем в Золотой

Галактике. Посему ведая о замыслах Богов, я повелел ребенку молчать и плоть, мгновенно подчинившись, сомкнула рот.

Существо промеж того и как-то враз склонилось к дитю и единожды ко мне. И я увидел, как резко выдвинулись в направлении глаз ребенка и меня его ярко-красные очи, словно на вытянутых багряных полых трубках, в каковых легохонько колыхались белые пупырышки. Теми глазами и особенно пупырышками, мгновенно засиявшими и увеличившимися в размерах, создание жаждало исследовать, прошупать мозг обок которого был я, что стало вельми мне неприятно. Не люблю я, когда во мне али подле колупаются. Отец о том ведал, и почитай никогда меня не прошупывал. Только изредка, когда я хандрил и не желал с ним толковать. Но это был мой Творец, оного я так люблю.

А тут, какое-то создание... пытается ковыряться, пусть не во мне... но даже подле.

Потому я дюже резко повелел ему не сметь ничего тут щупать, не достоин так сказать. Обаче, я знал, что оно меня не услышит и вряд ли прочтет по моим губам, ибо они не шевелятся. Впрочем, я также знал, что обладая божественной мощью... мощью Творца могу сомкнуть пространство меж собой и им, с тем не позволить себя изучать. Я так и сделал. Рывком поставил меж мозгом девочки и очами создания завесу на которой также мысленно начертал символ моего Отца, выведя центральную ось и отходящую от ее середины устремлено расходящиеся вниз две черты.

И незамедлительно очи создания втянулись обратно в недра глазниц, а само оно, протянув руки, подняло с кровати ребенка. Материя тонкой розоватой рубашонки, в которую дитя было одето, мелькнуло предо мной, и я безошибочно определил, что нахожусь в плоти женского существа, девочки.

Все эти знания жили во мне, составляли мою суть. Отец меня им не учил. Порой мне стоило взглянуть на, что-либо и я без подсказки называл величание того создания, основные его функции, признаки. Мой Творец всегда удивлялся тем способностям и говорил, что я уникальный, неповторимый.

Отец...

Мой любимый Отец не ведал, что именно мельчайшим просом текущих в сияющем моем естестве геометрических фигур, образов людей, существ, зверей, птиц, рыб, растений, планет, систем, Богов, Галактик отличаюсь я от своих братьев Зиждителей, от самой четверки старших Богов, и похож на Родителя. Я был обратной цепью движения, которая идет не столько от рождения, сколько вспять его, являясь завершением, смертью, гибелью, ошибочно считаемой концом, но на самом деле, будучи всего-навсе новым витком, каковой замыкал Круговорот самой Жизни, смыкал пространство и время в Коло. И тем смыком, тем завершением был я – Крушец!

И теперь я также безошибочно определил и пол ребенка, и самое создание, что пришло в-первую очередь за мной.

Лихновец. Одно из первых творений, моего дорогого старшего брата Вежды. Столь трепетно тогда прикоснувшегося к тончайшей коже руки Отца толстыми губами иноредь озадряемых почти рдяно-смаглыми переливами, в его глазах темно-бурая радужка с вкраплениями черных мельчайших пежин, не содержащая зрачков, неожиданно остекленело замерла. Брат очень за меня волновался... Также как и прильнувшей ко мне позже Мор, чьи очи с темно-бурой радужной оболочкой, имеющие форму ромба, растянутого повдоль желтоватой склеры, не менее сильно остекленев, наполнились слезами. Надеюсь, братья смогли поддержать моего дорогого Творца, не дали ему замкнуться в тоске по мне.

Лихновец. Я видел его ноне впервые. Однако признав в нем творение печищи Димургов, вельми обрадовался. Все же оставалась надежда, что я увижу самих Димургов. Оставалась надежда, что приближенные к ним создания распознают кто в этой плоти. А может Родитель сумеет обойти течение Закона Бытия и вернет меня Отцу.

Между тем, Лихновец медленно и достаточно бережно запрокинул руки назад вместе с чадом (так как они у него вращались по кругу в плечевых суставах) и открывшаяся зыбка, явила полого-удлиненную внутренность. Девочку положили в недра, мягкие недра зыбки, правда ей, абы там поместиться пришлось поджать ножки, свернуться так сказать в клубочек, отчего я увидел ее маленькие, худенькие коленочки. Светло-русые, кучерявые волосики купно прикрыли ее личико, загородили очи, розовая материя рубашонки колыхнулась, единожды от дыхания дитя и поступающего от стенок зыбки газа. Девочка глубоко вздохнула тот успокаивающий, усыпляющий газ, и, сомкнув глаза, заснула. А я остался в легком туманном, желтоватом мареве, которое словно исторгали стенки ее трепещущего в такт дыханию мозга.

Глава шестая

Я тоже отключился.

Еще бы... Я так мал, еще совсем дитя, как говорил мой дорогой Отец кроха, чадо.

Да и потом я столько перенес, был так утомлен пережитым. Потому, когда пришел в себя, увидел обширное помещение, горенку, ее так величали. Это было не просто длинное, но еще и широкое помещение, свод в нем, кажется, и не ощущался, уж таким он смотрелся дальним.

Светло-серебристые стены легохонько мерцали зеленой полос и более темных пятен. В горенке в два ряда, почти в самой середине лежали не высокие мягкие валы, замещающие сидения, на которых располагались дети... Маленькие дети, по возрасту наверно такие же, как девочка, в плоти чьей я ноне обитал. Ребятишки все как на подбор были светлокжие и светловолосые. Я сразу понял, это отпрыски Небо и Дивного, точнее все же будет сказать, ибо они проживали в Золотой Галактике, отпрыски Огня, некогда также бывшего лучицей моего Творца.

Напряженно замершие дети даже не смели двинуться, шелохнуться, закричать. Изъятые от своих родителей днесь они находились в каком-то неизвестном им месте и потому смотрелись зримо напуганными. Неотрывно, точно введенные в транс они глазели на существ, собратьев Лихновца. Забыл сказать, что создания моего старшего брата Вежды составляли единое племя, величаемое куренты. Потому похожих на Лихновца курентов находилось много в горнице и звали их, как можно догадаться, по разному. Не только Лихновец, но и Лихной, Лихкур, и Лихкурен и даже Лих. Отличались промеж себя они не только ростом, фигурой, цветом шерсти, длиной рук, ног, цветом глаз. Однако берегли, как общий признак, конусную форму головы и хохолок волос на макушке. Не ведаю, может у них там, в завершие, и скапливался весь ум, посему так была важна та островатая макушка... Об этом верно стоило спросить их Творца.

В общем, дети сидели молча и испуганно взирали на мелькающих пред ними курентами. А те в свою очередь уж вельми сильно мельтешили, очевидно, куда-то торопились или не справлялись с возложенными на них обязанностями. Попеременно они хватали сидящих детей за руки и подводили к иному существу. Просто замечательному существу! Творцом которого приходился мой любимый Отец.

Керечун. Представитель многочисленного племени чертей, чьим Создателем в основном выступал Господь Перший. Высокий и достаточно плотно сбитый, с долгими руками дотягивающимися до стоп и не менее худобитными ногами, Керечун имел яйцевидное тело покрытое густоватой, черной шерсткой. На не менее вытянутой кверху, только в виде капли заостренной макушке восседали похожие на солону плотные волосы. На узком, опишем так, человечесьем лице располагался горбатый нос, ярко горящие багряным светом очи и весьма пухлые плямкающие пузырьчатой слюной губы. Его вытянуто-сплюсненная в районе позвонка спина вставала острым выпирающим плавником, всяк раз когда черт наклонялся и изредка прикасался к подведенным к нему курентами детям.

Это уникальное создание моего Отца, вызвало во мне радость. Ибо пред тем как выпустить меня из руки Перший дал Керечуну приложиться к его коже, а следовательно и ко мне.

Трехпалая, левая рука черта с вытянуто-долгими перстами, завершающимися вороночными полостями трепетно огладила тогда меня, приветствуя как юного Господа и запоминая мой облик.

Девочка сидела также среди детей, в первом ряду. Она, наверно, только сейчас проснулась, как и я. И теперь явно испуганно оглядывалась. Испуганно потому как я слышал гулкий стук ее сердца, неприятной дробью отзывающийся во мне. Я, было, сызнава стал досадовать, но узрев Керечуна, мгновенно успокоился.

Успокоился!
Обрадовался!
Ох! как я обрадовался!

Это создание обладало особыми способностями, запоминая облик лучицы. Он также умел просматривать находящиеся внутри мозга искры, определяя их принадлежность. Посему стоило сейчас Керечуну всего-навсего прикоснуться к девочке, как он мгновенно б определил, кто ноне находится в ее голове.

Я ликовал!

Теперь я был уверен, что замыслы Родителя расстроятся, или Он все же решил меня вернуть Отцу.

Определенно, я стал сиять так мощно... так сильно, что пробегающий мимо меня Лихновец остановившись, удивленно воззрился на девочку, а потом схватил ее за руку, и, подняв на ноги, повел к Керечуну.

Замечательному, милому такому Керечуну.

«Сейчас... сейчас, – торопливо думал я, – он увидит, кто заключен в теле ребенка».

Я заморожено смотрел на черта и одновременно выкидывал из себя сияние так, что ярко озарял не только лица сидящих на валике детей, но и подсвечивал сине-серую шерсть Лихновца.

Однако, внезапно курент остановился. Замерла подле него и девочка. Еще миг и Лихновец низко склонился, отчего его голова сровнялась с головой девочки. И тотчас дернувшись, стоявший впереди ряда, поклонился Керечун. А я увидел идущих по горнице навстречу мне Вежды и Стыня.

Я увидел их дорогие фигуры, лица, такие мне близкие, всего в нескольких шагах от меня и засиял... Засиял еще сильнее, мощней, ярче, опасаясь лишь одного, от той насыщенности собственного естества не сжечь мозг ребенка и не отключиться.

– Керечун, надобно я думаю поторопится. Господь Перший хочет отбыть в ближайшее время в Северный Венец, посему будем сворачиваться. Ибо ты мне понадобишься в Чидеге, – повелительно молвил Вежды.

Нынче он был одет в золотистую рубаху и укороченные белые шаровары, на бедрах и щиколотке мелко собранные. Стан брата стягивал серебряный, широкий пояс в тон тонкой кайме украшающей подол, проймы рукавов и горловину рубахи. Золотыми были и сандалии обутые на ноги, сомкнутые по всей подошве, с загнутыми носами, и укрепленные на лодыжках золотыми тонкими ремешками. Вежды находился в своем величественном ореол-венце, подаренном ему Родителем. Также как и Стынь, впрочем у него ореол-венец имел несколько иную форму. Это был серебряный обруч, состоящий из высоких подымающихся отвесно вверх девяти зубцов на концах, которых поместились красно-фиолетовые, крупные, круглые рубины. Меж теми зубцами располагались девять, более низких листков трилистника, украшенные небольшими черными жемчужинами, от центра каковых отходили, устремляясь ввысь, переплетенные тонкие серебряные дуги, сходящиеся над макушкой головы и увенчанные огромным каплеобразным, голубым аквамавром.

Стынь, подобно Вежды, был высоким и мощным в плечах Зиждителем, с темно-коричневой кожей отливающей золотым сиянием. Показано-уплощенная голова брата поросла мельчайшими, аки пушок завитками курчавых черных волос. На его овальном лице напоминающем яйцо, где область подбородка была уже, чем лоб поместился широкий, плоский нос, толстые, можно даже сказать мясистые, губы и крупные раскосые черные очи, как и у Отца, почти не имеющие склеры. Обряженный в ярко синее сакхи тесно прилегающее к телу и доходящее до лодыжек, с клиновидным вырезом впереди, без ворота и рукавов, сверху на каковой был накинута серебряный плиссированный плащ, проходящий под подмышками рук одним своим краем и схватывающийся на груди крупным сапфиром с фиолетовым отливом Стынь имел

множество украшений. Не только ожерелье на шее, но и браслеты, перстни, соответственно на запястьях, лодыжках, перстах. На больших, оттопыренных ушах брата по всей поверхности ушных раковин и самих мочках просматривались буро-марные со стекляннным блеском бериллы. Еще более крупный берилл был вставлен в густую, прямую, правую, черную бровь, перед самой переносицей.

Бархатистый баритон Вежды проплыв по горенке своим величием наполнил всех существ находящихся в ней так, что преклонили головы и дети. А мне показалось еще миг, и я разорву стенки черепной коробки и вырвусь оттуда, предварительно разрушив этот столь противный мозг. И тогда, вероятно, потеряюсь в космическом пространстве, поелику я понял, что горница находится в космическом судне Вежды, величаемом чанди. Потому я враз перестал сиять и постарался успокоиться, однако стоило мне это содейть, как тотчас туго застучало сердце девочки.

Бух! Бух! Бух!

Теперь стучало во мне ее сердце... отзываясь в смаглом сиянии моего естества. И мне стало чудиться, я днесь захлебнусь, подавлюсь этой искрой, что торчит у меня во рту. Потому как она в такт тому биению стала колыхаться во мне, доставляя боль.

«Успокойся! Успокойся!» – мысленно указал я ребенку, и вскоре она и впрямь притихла, а сердце ее перестало стучать.

Промеж того уже выпрямившийся Керечун, что-то торопливо, как он любил, докладывал Вежды. А Стынь медлительной поступью направился к девочке и куренту. Он остановился в полушаге от нас, и благодушно взглянув сверху вниз, усмехнулся.

– Девочка, – слышимо произнес старший брат, и я ощутил, как его взгляд проник в мозг дитя, что окутан был мной. Он миновал меня так и не приметив, хотя теперь я не стал выставлять завесу жажда, абы меня распознали. Стынь, мог прощупать сам человеческий мозг, впрочем, поколь был не в состоянии выявить мое там присутствии или догадаться по мыслям ребенка, что он управляет более мощным созданием, для тех действий нужны старшие Боги али особая сцепка меня и человека. Да и потом способности брата, несомненно, оказались слабее моих и я, по-видимому, даже не задумываясь о том, прикрыл себя и мозг от как такового изучения.

Стынь также неспешно перевел взгляд с головы ребенка, не узрев в ней кроме сияния ничего странного, очевидно посчитав, что видит пред собой набирающуюся мощи искру, и, уставившись на курента, насмешливо досказал:

– Лихновец, зачем ты привел девочку. Ведь Господь Вежды, как распорядился. Паболдыри, мальчики, искры нашего Отца.

«Отца!» – коли б мог, я это провыл, простенал... а так лишь тягостно помыслил.

И уже не имя сил сиять, болезненно задрожал, поелику сердце девочки вновь принялось оглушительно стучать в груди, доставляя почему-то боль мне.

– Господь Стынь, но этот ребенком был помечен, и потому я его изъяс с планеты. Он находился в указателе, выданном мне, – торопливо ответил Лихновец.

– Странно, – чуть слышно дыхнул Стынь и склонившись подхватив девочку под подмышки, поднял.

«Стынь! Стынь! Стынь! это я, Крушец!» – мысленно простонал я, теперь уже досадуя на собственные силы... досадуя на то, что не шевелятся мои губы... досадуя на то, что нет сцепки поколь меня и мозга.

Стынь был слишком юн, слаб в сравнении со мной. Он впервые видел лучицу в человеческой плоти и не ведал, как она выглядит, как сияет. Абы дотоль мой старший брат достаточно долго болел, и как итог не боролся за Дажбу, и также не прикасался к Кручу, в образе лучицы. Стынь, просто не понял кто перед ним, не сумел ощутить по юности, моего там присутствия. Он заглянул вглубь очей девочки, и я как обладающий особыми способностями, внезапно уви-

дел полутемную, округлую залу пагоды. Высокий полусферический свод, который ноне точно растерял привычное сияние серебристых звезд. Они не просто перестали мерцать, а напряженно замерли, послав тусклые лучи света на зеркальные стены и, кажется, сдержав движение густоватой темно-серой материи, дотоль примостившейся ровными испарениями на глади черного пола.

Повдоль залы инолды колыхая, взбивая ногами те ровные слои дыма прохаживался мой Творец, в темно-синем сакхи. Он был не просто расстроенным, а словно придавленным от переживаний.

– Отец, – прозвучал певучий объемный бас Стыня, наполняя своей теплотой помещение пагоды. – Может, стоит отправиться к Родителю. Повиниться, коли понадобится. Может Он знает, где наш Крушец. Может, малецык жив, не погиб. И это было не самовольство, оно ты в нем замечал, а нечто иное?

«Жив! Жив! Не самовольство!» – послал я мысленно старшему брату, стараясь воздействовать на него и одновременно избавляясь от видения прошлого.

Еще миг и я вновь узрел столь дорогое мне лицо Стыня, которое видел на продолжение роста в руке Отца, также часто. Его густые, прямые, черные брови несколько удивленно изогнулись, и вельми ярко блеснул берилл в правой из них. Брат судя по всему, что-то почувствовал, уловил мои послания, но так как я еще не умел их выдавать направленно, не умел осуществлять невербальное общение (общение внеречевое, и в божественном случае передающее мысли, образы, чувства и неосознанные состояния на расстоянии) так и не принял посылаемого мной. Он бережно опустил девочку вниз и поставил ее подле Лихновца.

– Стынь, малецык мой бесценный, пойдём, – мягко позвал Вежды. Его, стоящего возле Керечуна, теперь полностью заслоняла мощная фигура Стыня, и как я понял, он не собирался подходить к девочке. – Пойдем милый, Отец тебя ждет. Уже все готово к отлету, не надобно оставлять нашего дорогого Отца надолго одного, тем паче Темряй давеча отбыл.

Это было нестерпимо... нестерпимо...

Слышать их. Видеть, вот в шаге от себя и быть не в состоянии подать зова, крикнуть, заговорить, хотя бы шевельнуть губами, чтобы они обратили внимание.

– Такая сияющая, – наконец, отозвался Стынь и неторопко развернувшись направил свою поступь к старшему нашему брату. – Ты, видел, Вежды, такая сияющая и девочка.

– Ну, что ж, мой милый и так бывает, – усмехаясь заметил Вежды и Стынь несколько ступив вбок, приоткрыл для меня весь величественный вид старшего брата.

Находящийся в наверхие венца Вежды глаз, неожиданно вздрогнул и сжал до вытянутой полосы черный ромбической формы зрачок, единожды сузив и окружающую его коричневую радужку. Еще доли бхараней и ромбически-вытянутый зрачок многожды увеличившись, заполонил всю коричневую радужку и белую склеру. Вежды дотоль неотступно смотрящий на Стыня, перевел взгляд на девочку и глаз в его венце торопливо сомкнулся золотыми веками, полностью поглотив его недр. Еще малость и видимым удивлением блеснули очи старшего брата, а после широко открылись так, что верхние веки вздыбившись короткими ресницами подперли брови. И незамедлительно позадь его головы насыщенно блеснули лучи света. Сие было изумительное по яркости радужное сияние, отчего мне почудилось, это замерцали отблесками багряные сосуды и белые жилки, оные увивали с обратной стороны глаз в наверхие ореол-венца Вежды.

Однако, это переливался не венец. Потому как уже в следующее мгновение я увидел большую птицу, точнее сравнения не придумаешь, чьими Творцами данного многочисленного семейства являлись Дивный и Словута. У этой же птицы лицезрелась приплюснутая голова с длинным крючкообразным клювом, широким хвостом и мощными крыльями, где также явственно наблюдалось оперение только прозрачно-радужного оттенка. Она, внезапно будто заполонила своим прозрачно-радужным телом венец Вежды, а засим плавно взмахивая кры-

лами, медленно сомкнула их края подле его лица. Тем движением вроде как поставив невидимый щит, меж братом и девочкой... меж братом и мной. И тотчас старший брат дернул вельми резко головой влево и отстраненным голосом молвил в сторону стоящего подле него черта:

– Керечун, ступай за мной.

Также стремительно Вежды развернулся и широким шагом направился к серебристой опакуше, скрывающей вход в горницу. Керечун медлил само мгновение, вероятно не до конца понимая, зачем позвали его, а потом рьяно кинулся вслед за Богом. А погода, и, Стынь тронув свою более размеренную поступь пошел в сторону выхода. Мне же теперь удалось разглядеть подле его курчавых черных волос, замершую почитай на затылке недвижно висящую дымчатую каплю. Внезапно капля ярко сверкнула и зараз приобрела радужные переливы, принявшись выкидывать в разные стороны короткие лучики и степенно обращаться в птицу. Один-в-один схожую с той, что дотоль поставила щит меж Вежды и мной... конечно же в первую очередь меж им и мной.

Птица, точнее творение Родителя Стрефил-создание, стало наращивать взмахи крыльев, и почти касаться волос Стыня своей грудью, нагоняя на его лицо дуновение. Брат сделал еще пару шагов, и вдруг остановившись, замер. Он совсем малую толику стоял недвижно, похоже, прислушиваясь к чему-то. Засим резко развернул голову, и, устремив взгляд на девочку, сказал:

– Такая сияющая и девочка, как жаль. – Края крыльев Стрефил-создания днесь сомкнулись своими краями пред очами брата, и он не менее отрешенно, чем дотоль говорил Вежды, дополнил, – а впрочем, сбережем ей жизнь. Лихновец, передашь ее духу Расов и скажешь. Господь Стынь просит за этого ребенка. Пусть, дух сбережет ее жизнь, укроет от взора себе подобных, от Богов и воспитает. Такая сияющая, пускай живет, – тихо додышал Стынь.

И тотчас крылья Стрефил-создания раскрывшись, принялись неспешно взмахивать над головой брата, словно нагоняя ноне одну прохладу. Стынь повернулся и медленно вошел в опакушу.

И тогда я осознал. Замыслы Родителя не удастся расстроить, и Он, наверно, не сумел обойти течения закона Бытия. А я теперь отправлялся к Расам. Ибо племя духов есть только у них и у Асила.

Еще немного я неотрывно смотрел на клубящуюся дымку опакуши, пожравшей мои надежды узреть Отца, и от боли, что разом наполнила меня, принялся выбрасывать сияние. Сейчас я хотел одного разорвать этот мозг, эту голову и вырваться! Вырваться, так как понял, что не выдержу даже малой разлуки с Отцом.

Впрочем, от испытанного мной волнения, я уже и не имел толком сил, и потому резко отключился.

Глава седьмая

Теперь я стал отключаться часто.

Если поначалу я еще хоть как-то контролировал этот процесс... И отключался на короткий срок, погодя наново обретая себя, то по мере полета девочки в хуруле Дажбы стал чувствовать себя много хуже.

Из всего того, что произошло после встречи братьев в чанди и наверно длительного полета на хуруле, особенно четко я запомнил две вещи.

Первое, это когда Лихновец передал меня духу Расов.

И второе, встречу с Дажбой.

Первое, я запомнил едва-едва.

В момент, когда Лихновец передавал меня духу, как его величали Выхованок, я как раз и обрел себя. Помню, это существо, однозначно имело много общего с Богами. Або вообще у духов было две пары конечностей, довольно-таки удлиненных. Его короткое тело не имело волос, шерсти, и не нуждалось в одежде. По виду, это был большой полупрозрачный ком с едва выступающими плечами, без талии, сужающийся к завершию, из округлой поверхности которого вылезали две худобитные полупрозрачные ноги. Такие же тощие руки выступали из плеч и дотягивались своей длинной до середины ноги, возможно до колена. У Выхованка, впрочем, как у любого иного духа не просматривалось ни колен, ни локтей, ни кистей, ни пальцев на ногах, все выглядело единым веществом, выполняющим роль упругого скелета. Веществом по составу соотносимым с мезоглеей, основой которого был фибриллярный белок, только в данном случае соединительная ткань не была обводненной, вспять наполнена особой жидкостью, позволяющей подолгу не питаться, находится вне воды и света.

Голова духа, такая же полупрозрачная, как и тело, напоминающая каплю, чуток светилась голубоватым светом. Она своим удлиненно-заостренным концом восседала на теле, без какой бы то ни было шеи, верно потому как сие острое и заменяло шею. Дух мог развернуть голову не только на сто восемьдесят, но, и, свершив круг содеять полный оборот в триста шестьдесят градусов. Как такового лица на голове Выхованка не имелось, как и не было там подбородка, щек, носа, рта, ушей. Одначе, располагались раскосые по углам и очень крупные, заполнившие лицо на треть и вельми глубокие, голубые глаза. Духи как таковые не нуждались при общении и воспроизведении звуков в устах и ушах, делая это на особой короткой волне, впрочем, слышимой человеческим ухом. Сами при этом, воспринимая звук всей поверхностью наружной ткани, что покрывала их тело. Они также не имели пола, и тем дюже походили на Зиждителей, хотя последние, коли в том была потребность, могли создать его в себе, также как и лишнюю руку, ногу, хвост, некие даже крылья аль вторую голову. Размножались духи удивительным способом. Будучи бесполоми, они в определенный срок из взрослой стадии возвращались к детской, частично сбрасывая с себя огрубевший внешний покров, и с тем как бы возвращивая оставшийся, как и можно, догадаться оный изнутри заполняла сияющая искра.

Творцами духов считаются три Бога: Перший, Небо и Асил. Но коль говорить правдиво, их созидал один Отец, а Небо и Асил только прописали определенные кодировки. Саму суть, строение, сочетание тех или иных способностей придумал, продумал и внедрил Перший. Впрочем, посем он передал те удачно созданные творения в помощь и владения столь любимым им младшим братьям. Посему в духах почасту уживались таковые разные вариации, например Выхованок (как я осознал позднее) был создателем определенных растительных видов... Создателем! очевидно сказано слишком! точнее будет поправиться, Выхованок только воспроизводил заключенные в него определенные растительные виды и населял ими планету.

Когда Лихновец передал меня Выхованку, чьей основной функцией все же оставалось воспитание человеческих отпрысков, на заре заселения планеты, я не просто разглядел его... я

увидел и малое создание, кое было прицеплено к макушке духа. Это яркое горящее оранжевое тело, по форме напоминало жернова, с отходящими от круглого обода множеством тонких шевелящихся вазодилляторов, местами переплетающихся и образующих ажурные сети, вроде крыльев. Алконост-птица, чуток погоды догадался я, творение Родителя, которое не только осуществляло пригляд за его сынами-Зиждителями, но обладая особыми функциями, могло управлять и их созданиями.

Не ведаю, або я был слаб... Алконост-птица так воздействовала на Выхованка, али он попытавшись заглянуть в недра глаз девочки, нежданно получил черную завесу с символом Першего, и с тем проникся особым трепетом... Во всяком случае дух более не пытался прошу-пать мозг девочки, а я понял одно, что ощутить меня Стыню, а после и Дажбе все же главным образом не позволили Стрефил-создания.

Лихновец тогда встретил Выхованка на приемно-распределительном пункте, что находился на соседней Зекрой планете, четвертой по счету, от единственной звезды Колесо, в системе Козья Ножка. В том узком длинном помещении, расположенном на судне Расов, величаемом, простишь, маневренном, перемещаемом, каковой подолгу мог находиться на одном месте на твердой поверхности планеты, а внешний корпус обладал возможностью подстраиваться под рельефное строение той местности, куда прибыл и становился неотличимым от цвета и состава самой почвы, присутствовало множество существ. Не только духов, лисунов, водовиков, цвергов Расов, дзасиков-вараси, камадогами, волотоманов Атефов, курентов, трикстеров, бесиц-трясавиц Димургов, но и малой разноволосой ребятни... белокожей и смуглокожей с явственным желтым отливом. Простишь в данном случае, хоть и принадлежала Расам, являлась общей площадкой, для наблюдения за Зекрой, а в нонешний момент исполняла роль переправки детей с системы Козьей Ножки на хурул Дажбы и соответственно уляньдьянь Стыри. Ну, а существа Димургов тут находились по причине того, что они почасту помогали творениям Расов и Атефов, в частности днесь помощь предназначалась именно Атефам, о чем как я знал, Першего попросил Стыря, младший сын Асила и мой старший брат.

Наверно, поэтому никто и не обратил внимание, как Лихновец остановил Выхованка, або сие общение было естественным, и среди существ Богов правило миролюбие, и взаимовыручка. Это всего лишь несколько раз меж созданиями Богов недопонимание выливалось в свары и только раз закончилось войной. Произошло это в Галактике Огня Золотой, в системе Авсень, на планете Голубец. Давеча заселившие планету белые и черные люди, и принявшие их воспитание духи, гомозули с одной стороны и нежить, асанбосамы, с другой, не поделили выделенные им территории на планете. А все потому, как возглавляющий асанбосам бацилевс Токолош, после произошедшего крупного землетрясения в горной системе, где проживали его подопечные, переправил их на тусках на соседний материк, на оном жили белые. Возмутившись таковому нарушению замыслов Зиждителя Огня старший духов Перебаечник, попытался сначала мирно, а посем с оружием отстоять права своих воспитанников. Нежданно в помощь к духам пришли гомозули, а к асанбосам, как можно догадаться, нежить. И воспользовались существа Богов не просто луками, копьями и мечами которые даровали в пользование людям, а самым настоящим смертельным оружием Зиждителей – севергами, оное находится на любом из космических судов... И хотя туски и ногхи, относятся к малым судам, и северги на них не обладали той мощью, которой обладает северга выпущенная к примеру с пагоды, обаче, они принесли ощутимые разрушения самой планете. Не стоит даже говорить, что человеческие постройки, как и сами люди, были в большом количестве уничтожены. Або человечество, на заре молодости планеты обладает самыми лучшими своими качествами, являясь по своей сути токмо искрами. Посему в короткий срок белые и черные роды поднялись с оружием в руках друг против друга. И поколь гомозули и духи на ноггах, схожих с колесницами, а асанбосамы и нежить на тусках сражались в небосводе. Люди убивали друг друга на самой планете.

Побоище как таковое сумел прекратить Вежды, на тот момент он прибыл в Золотую Галактику, узнав из донесений шерстных (творений Димургов, по просьбе Огня определяющих состояния Золотой и находящихся в ней систем) о происходящем на Голубце. И сразу направился в систему Авсень. Брат, севергами, выпущенными из чанди, уничтожил скопление космических судов над Голубцем, и рати людей на самой планете, ведущих военные действия. Засим ему удалось пленить Токолоша и Перебаечника, с помощью вызванных в Авсень гипопентавров, и тем самым прекратить побоище. Вежды выслал с системы роды духов и асанбосам соответственно в места их постоянного проживания, а гомозулей и нежить отправил в соседние системы, абы они войны не желали и просто поддерживали в данном случае своих собожников. Он было хотел и вовсе уничтожить Токолоша и Перебаечника, но за первого вступился его Творец Мор, а за второго Перший. Посему виновников наказали и под охраной гипопентавров направили в Северный Венец и Отлогую Дымнушку, заключив на длительные сроки в казематы. Может Вежды и не был бы так суров, если б не то обстоятельство, что планета Голубец более стала не возможной для жизни на ней человечества, а самих оставшихся людей главным образом умертвили. Або выпущенные с космических судов северги, произвели очень сильное ионизирующее излучение, и тем самым вызвали тяжелые генетические заболевания, лишь малое число человечества удалось спасти и вывезти в соседнюю с Авсень систему.

Впрочем после произошедшего, как о том поведал Стынь, ибо брат вельми часто рассказывал мне занимательные вещи, Боги провели беседы с главами своих творений о недопущении такого межвидового поведения. Да и сами существа были несколько ошарашены не только понесенными потерями, но и самим столь скорым его прекращением, поелику как в самой стычке, так и при ее сворачивании погибло достаточно много духов, асанбосам, гомозулей и нежити.

Право молвить, меж курентами и духами таковой конфликт вряд ли случился бы, потому как интересы этих племен никогда не сталкивались, и функции их были различны. Лихновец придержав за руку Выхованка, и с тем остановив в сем пункте, поначалу толковал с ним о несущественном, о том, что увидятся они не скоро, або в Млечный Путь, теперь уже однозначно не отправятся. Из чего я заключил, оба эти создания уже давно знакомы и состоят, так сказать, в приятельских отношениях. Все то время девочка держась за руку Лихновца стояла рядом, иноредь переступая с ноги на ногу, и испуганно посматривая по сторонам. Ее сердце по часту бухало внутри груди, отчего она ощутимо для меня покачивалась, а я с тем колыханием, вроде как захлебывался искрой, торчавшей в моем рту.

– Возьми это дитя... Спаси его... – нежданно молвил курент и слегка преклонил голову, поелику был выше духа.

И в направлении огромных глаз Выхованка выдвинулись ярко-красные очи курента, словно на вытянутых багряных полых трубках, в каковых легахонько заколыхались белые пупырышки. Теми глазами и особенно пупырышками, мгновенно засиявшими и увеличившимися в размерах, Лихновец воссоздал и сам образ Стыня и его просьбу так, что дух зараз еще сильнее увеличил свои голубые очи, и несмело качнул головой. Очевидно, не смея противостоять просьбе Господа, которого так все любили... не только Димурги, но и Расы, и Атефы.

Он еще малость медлил, а после, неуверенно протянул:

– Как? Как сокрою от глаз Зиждителя Дажбы дитя?

Это был не отказ, просто испуг... страх... Обаче, внезапно Алконост-птица выкинула из своего обода пучок тонких вазодилаторов, оные сетью прикрыли каплеобразную голову духа сверху и видимо внедрились в самую наружную поверхность ткани и тотчас Выхованок протянул руку к Лихновцу и перехватил маханькую ладошку девочки... Может он перехватил руку еще и потому как помнил, кто на самом деле являлся Творцом их племени?!

Вероятно, пара дамахей и дух поднял дитя на руки, прижал к себе, и даже не прощаясь, развернувшись, направился по помещению к одной из опакуш, чрез каковую смог попасть на туюсок и перенаправить дитя на хурул.

Сам перелет на хурул я почитай не помнил, потому как Выхованок, все еще ведомый Алконост-птицей, уж больно сильно прижимал к себе ребенка. И девочка, коль чего и видела, только серебристо-переливающийся свод одного из помещения туюска, по которому суетливо бежали в разных направлениях весьма яркие голубоватые и желтые полосы, тем придающие светозарность самой комнате.

Однаже, хорошо помню и само гнездилище на хуруле, и вошедшего в него Дажбу. В том прямо-таки огромном помещении детей изъятых с Зекрой осматривали и распределяли на лечение, али по палатам, водовики и лисуны, а также еще раз перепроверял Коловерш, на наличие искр Небо и Дивного. Можно сказать, Коловерш был братом Керечуна только с белой шерсткой и с теми же способностями, оный конечно же сразу выявил бы в девочке меня... меня, а не сияющую искру, как подумал Стынь. С желтоватыми стенами, сводом и полом, гнездилище было светозарным помещением. Там почитай и не имелось обстановки, токмо низкие деревянные лавки, ибо Дажба весьма благоволил к простоте, да сидящих на них детей. Лавки стояли повдоль длины гнездилища, и девочка в которой находился я, приведенная Выхованком и находящаяся под его опекой, была посажена в первый ряд. Обретя себя, после совсем малого отключения, определенно когда ее переносили с туюска на хурул, я глазами ребенка вельми долго смотрел на несколько изогнутый в середине свод, где по дуге светились насыщенно желтым сиянием шарообразные световые огни. А после утомленный... утомленный именно я, воззрился на бледно-кремовую опакушу разделяющую помещения в хуруле, абы в этот момент в гнездилище вошел Дажба. Безусловно, он пришел, потому как подошел черед девочки идти к Коловершу.

Впрочем, когда я увидел Дажбу, вельми ему обрадовался... и так засиял... Вкладывая в сие приветствие последние свои силы так, что пространство на доли бхараней сомкнулось меж ним и мной. И я увидал, изумление в его миндалевидных ярко-голубых очах. Обладая особой чувствительностью, я тем сиянием мгновенно привязал к себе старшего брата, и в том мне, определенно, помог Родитель, ибо крылья Стрефил-создания также не раз колебались над головой Дажбы и смыкались перед его лицом.

Младший из Расов был высоким, только в отличие от Вежды и Стыня, сравнительно худощав, узок в плечах и талии. Его молочно-белая кожа, как и у всех иных Богов, не важно, были ли это Атефы, Димурги, Расы слегка подсвечивалась изнутри золотым сиянием. Сквозь тонкую-претонкую кожу, будучи также признаком Богов, проглядывали заметно проступающие оранжевые паутинные кровеносные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Короткими выглядели русые с золотистым оттенком кудрявые волосы, той же длины и цвета борода и волнистые, густоватые, долгие усы кончики коих были заплетены в миниатюрные косички. Нежные, миловидные черты лица брата, имели мягкую, женственную форму. Оно скорее было длинным, чем широким, по виду и напоминало яйцо, где, однако участок подбородка казался уже лба. Без единой морщинки, али ее подобия большой лоб слегка светился, высокие дугообразные брови и красивый нос с изящно очерченными ноздрями, конец которого словно прямым углом нависал над широкими плотными вишнево-красными губами, придавали лицу младшего Раса еще больше красоты.

Одетый в белое долгополое с длинным рукавом сакхи вышитое по подолу золотыми узорами, на стане стянутое пластинчатым поясом, собранным из мелких, треугольных блях, на которых сверху покоились белые алмазы, Дажба имел много украшений. В виде золотых, серебряных и платиновых перстней, браслетов на лодыжках и запястьях усыпанных густо-марными сапфирами, желтыми и черными алмазами.

А на голове его восседал необычный высокий венец, вобравший в себя зараз белый и кумачный цвета. Зараз два состояния золота, белого цвета с компонентами платины и красного, чьим элементом являлась медь. Сие был усеченный конус с плоским днищем, коим он помещался на голове, и приподнятым не менее плоским навершием. По краю отороченный золотой полосой да увенчанный, из того же материала, круглой маковкой. Сам венец весьма часто менял цвет, он вдруг весь пыхал яркой краснотой, или степенно бледнея, делался почти белоснежным.

Образ Дажбы мне не только показывал мой Отец, но и не раз Родитель. Он вообще, когда я находился в Березане, почасту воспроизводил отображением облики моих сродников, не только Расов, но и Атефов. Считая, что коли Отец им не позволил приложиться ко мне, перед выпуском из руки, я их обязательно должен увидеть. Определенно, Родитель делал так, чтобы я сберег в себе образы сродников и мгновенно отреагировал на появление их в моей дальнейшей жизни.

Дажба тогда не просто внимательно, изучающе обозрел девочку, он подошел к ней, чего не делал в отношении к другим детям, и, подняв, поцеловал в лоб. Дажба был также юн, как Стынь. Еще младше, и лишенный возможности соперничества за Круча, не понял, что перед ним лучица. Хотя, вероятно, будучи мягче, нежнее Стыня, что-то почувствовал... что-то неосознанное. Поэтому сделал все, чтобы девочка выздоровела и создавал для нее лучшие условия на хуруле, а позднее и на планете в Млечном Пути, куда мы прибыли.

Обаче, сейчас старший брат, так и не спуская ребенка с рук, крепко прижав к груди, понес его сразу к старшему водовику, по имени Шити, пройдя мимо так ноне надобного мне Коловерша, низко пригнувшего свою голову.

В комнате, величаемой горница, имеющей узкую форму, не высокий свод и небольшую в сравнение с длиной ширину, на белых стенах отсутствовали какие-либо она, люки, двери. Дюже длинное оно уходило в оба направления и точно терялось в глубине собственной белоснежности. По обеим сторонам стен горницы в ряды стояли на широких подставках маленькие люльки, похожие на половинки яичной скорлупы, называемые кувшинки. Они были, как и подставки, белыми не только снаружи, но и внутри и располагались в непосредственной близости друг от друга, касаясь соседних кувшинок своими, подобно сколотыми, краями. Ноне и кувшинки и само помещение было предельно занято. И коли в первых в особой биологической среде, под ажурно-плетеными крышками поживая, находились на излечении дети, то сама горница была полна водовиками. Впрочем, стоило Дажбе с девочкой на руках войти в помещение, как старший из них Шити кинулся к Богу и замер обок его ног, склонив голову. Достаточно низкое в сравнении с младшим Расом, худобитное (ибо Вежды любит творить стройные создания, убирая из их тел все лишнее) с синеватой кожей, расчерченной тонкими рдяными жилками по поверхности и глянцеви́то блестящей. Длинные белесые волосы купно были намотаны на острую с макушкой голову, лицо бесицы-трясавицы, вельми казалось морщинистым так, что плохо просматривалась сплюснутая пипка растекшегося носа, едва проступающий щелью нос и весьма удлиненные глаза, где в ярко-желтой склере, плавал, перемещаясь, черный зрачок попеременно то увеличиваясь, то наново уменьшаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.